

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД

СИНИЙ ЛАБИРИНТ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Пендергаст

Линкольн Чайлд
Синий лабиринт

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Чайлд Л.

Синий лабиринт / Л. Чайлд — «Азбука-Аттикус»,
2014 — (Пендергаст)

ISBN 978-5-389-15811-5

На пороге своего нью-йоркского особняка специальный агент ФБР Алоизий Пендергаст находит тело Альбана — опасного социопата, обладающего даром предвидения, неуловимого преступника и... собственного сына. Его убийца успел скрыться, нарочно оставив в желудке жертвы единственную улику: кусочек бирюзы очень редкого вида. Очередная мрачная тайна семейства Пендергаст требует разъяснения, и агент начинает расследование. Он выясняет, что такая бирюза добывалась в единственном месте мира, отправляется в Калифорнию и спускается в заброшенную шахту — прямоком в ловушку... Одновременно в Нью-Йоркском музее естественных наук, где с давних пор происходят странные и пугающие случаи, найден мертвым один из служащих. Нет ни мотива, ни обвиняемого, хотя улик множество. За дело берется старый знакомый агента, лейтенант д'Агоста, и постепенно между двумя убийствами обнаруживается таинственная связь, а все нити ведут к прапрадеду Пендергаста, создавшему некий эликсир-панацею... Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-15811-5

© Чайлд Л., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

1	7
2	10
3	12
4	17
5	21
6	24
7	27
8	31
9	35
10	37
11	41
12	45
13	48
14	50
15	52
16	54
17	57
18	61
19	64
20	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Линкольн Чайлд, Дуглас Престон Синий лабиринт

Douglas Preston and Lincoln Child
BLUE LABYRINTH

© Г. А. Крылов, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей дочери Веронике

Дуглас Престон посвящает эту книгу Элизабет Берри и Эндрю Себастиану

1

Величественный особняк в стиле боз-ар на Риверсайд-драйв, тщательно ухоженный и безупречно сохранившийся, выглядел нежилым. В этот непогожий июньский вечер никто не прогуливался по галерее, выходящей на Гудзон. Из эркерных окон не струился желтый свет. Единственный видимый огонь горел у парадного входа, освещая дорожку под крытым крыльцом.

Однако внешний вид бывает обманчивым, причем иногда – преднамеренно. Ведь дом 891 по Риверсайд-драйв между 137-й и 138-й улицами был резиденцией специального агента ФБР Алоизия Пендергаста, а Пендергаст превыше всего ценил неприкосновенность своей частной жизни.

Хозяин дома сидел в кожаном «ушастом» кресле в изящной библиотеке особняка. Хотя лето уже вступило в свои права, вечер был ветреный и прохладный, а потому в камине потрескивал огонек. Пендергаст листал «Манъёсю», старинную антологию японской поэзии, восходящую к 750 году. На столе рядом с ним стояли маленький тэцубин (небольшой чугунный чайник) и фарфоровая чашка, наполовину наполненная зеленым чаем. Ничто не мешало его размышлениям. Тишину нарушало лишь тихое потрескивание угольков в камине да рокот грома где-то далеко за закрытыми ставнями.

Но вот из зала приемов раздался тихий звук шагов, и в дверях библиотеки появилась Констанс Грин. На ней было простое вечернее платье. Ее фиалковые глаза и темные волосы, коротко подстриженные на старомодный манер, оттеняли белизну кожи. Констанс сжимала в руке пачку писем.

– Почта, – сказала она.

Пендергаст медленно кивнул и отложил книгу в сторону.

Констанс села рядом с ним, отметив, что впервые после возвращения из своего так называемого «колорадского приключения» он наконец стал выглядеть как прежний Пендергаст. Его состояние после кошмарных событий прошлого года беспокоило ее.

Констанс начала перебирать небольшую пачку писем, оставляя без внимания то, что не могло заинтересовать Пендергаста. Он не любил вдаваться в обыденные детали. У него была старая и надежная юридическая фирма в Новом Орлеане, услугами которой давно пользовалась его семья и которая оплачивала счета и управляла частью его необычайно больших доходов. У него была столь же почтенная нью-йоркская банковская фирма, управлявшая другими его инвестициями, вкладами и недвижимостью. И еще у него был почтовый ящик для самой разной корреспонденции, которую регулярно забирал Проктор, его шофер, телохранитель и доверенный личный секретарь. В настоящее время Проктор готовился к отъезду – собирался посетить родственников в Эльзасе, поэтому Констанс взяла на себя часть его обязанностей.

– Тут письмо от Кори Свенсон.

– Открой его, пожалуйста.

– Она прилагает копию письма из колледжа Джона Джея. Ее дипломная работа получила Премию Рузвельта.

– Да, я присутствовал на церемонии.

– Уверена, что Кори была рада.

– Редко случается, чтобы церемония вручения дипломов являла собой нечто большее, чем леденящий парад серости и лицемерия под надоедливое повторение «Выпускного марша». – Припомнив подобное, Пендергаст отхлебнул чая. – Так вот, это был как раз такой редкий случай.

Констанс перебрала еще несколько писем:

– И вот письмо от Винсента д'Агосты и Лоры Хейворд.

Он кивнул ей, чтобы она просмотрела текст.

– Это благодарность за свадебный подарок и еще раз за обед.

Пендергаст наклонил голову. Месяц назад, накануне свадьбы д'Агосты, Пендергаст устроил приватный обед для жениха и невесты из нескольких блюд, приготовленных им лично. К обеду прилагались редкие вина из его погреба. Именно этот жест больше, чем что-либо другое, убедил Констанс, что Пендергаст оправился от недавно пережитой эмоциональной травмы.

Она пересказала содержание еще нескольких писем, потом отложила в сторону те, что представляли интерес, а остальные бросила в огонь.

– Как продвигается проект, Констанс? – спросил Пендергаст, наливая себе еще чашку чая.

– Превосходно. Как раз вчера я получила посылку из Франции, из Дижонского родословного архива, и теперь пытаюсь задействовать эти материалы в работе над тем, что получено из Венеции и Луизианы. Когда у тебя будет время, задам тебе несколько вопросов об Огастусе Робеспьере Сен-Сире Пендергасте.

– Основная часть того, что мне известно, состоит из семейных преданий – слухов, выдумок, легенд и страшных историй, передаваемых шепотком. Буду рад поделиться с тобой большинством из них.

– Большинство? Я надеялась, что всеми.

– К сожалению, в семейном шкафу Пендергастов есть свои скелеты, как в прямом, так и в переносном смысле. Ими я не могу поделиться даже с тобой.

Констанс вздохнула и встала. Пендергаст вернулся к своему поэтическому сборнику, а она вышла из библиотеки и прошла через зал приемов, уставленный музейными шкафами с различными диковинными предметами, в длинное, тускло освещенное помещение, отделанное потемневшими от времени дубовыми панелями. Главным в этом помещении был деревянный обеденный стол почти во всю длину комнаты. На одном конце стола лежали журналы, старые письма, опросные листы, пожелтевшие фотографии и гравюры, протоколы судебных заседаний, мемуары, перепечатки с газетных микрофишей и другие документы, все в аккуратных стопках. Рядом стоял ноутбук, чей светящийся экран казался не к месту в этой темной комнате. Несколько месяцев назад Констанс взялась составлять генеалогию семейства Пендергаст. Она хотела не только удовлетворить собственное любопытство, но и привести Пендергаста в чувство. Задача была фантастически сложной, приводящей в бешенство, но в то же время бесконечно захватывающей.

В дальнем конце этой длинной комнаты, за арочной дверью, находился вестибюль, ведущий к парадному входу в особняк. Едва лишь Констанс собралась сесть за стол, как раздался громкий стук во входную дверь.

Констанс замерла, нахмурившись. В доме 891 по Риверсайд-драйв посетители бывали редко, и никто из них не являлся без предупреждения.

Снова стук в дверь, сопровождаемый глухим ворчанием грома.

Разгладив на себе платье, Констанс прошла в вестибюль. Тяжелая входная дверь была массивной, без глазка, и Констанс застыла в нерешительности. Не дождавшись третьего стука, она отперла верхний замок, потом нижний и медленно открыла дверь.

Там, в свете лампы под навесом крыльца, стоял молодой человек. Его влажные светлые волосы прилипли к голове. Мокрое от дождя лицо было точеным, типично нордическим, с высоким лбом и красиво очерченными губами. Он был одет в льняной костюм, промокший до нитки и облепивший тело.

Он был связан толстыми веревками.

Констанс ахнула и потянулась к нему. Но выпученные глаза молодого человека даже не заметили ее движения. Он не мигая смотрел прямо перед собой.

Несколько мгновений фигура оставалась недвижимой, лишь чуть покачивалась, освещаемая вспышками молнии, а потом начала падать, как срубленное дерево: поначалу медленно, затем все быстрее, и наконец он рухнул лицом вниз поперек порога.

Констанс с криком отскочила назад. На крик прибежали Пендергаст и Проктор. Пендергаст решительно отстранил Констанс и опустился на колени рядом с молодым человеком. Он ухватил упавшего за плечо и перевернул, откинул волосы с лица и попытался нащупать на холодной шее пульс, который явно отсутствовал.

– Он мертв, – неестественно спокойно констатировал Пендергаст.

– Боже мой, – проговорила Констанс прерывающимся голосом. – Это же твой сын Три-страм.

– Нет, – возразил Пендергаст. – Это Альбан. Его близнец.

Еще несколько мгновений он оставался на коленях рядом с телом, затем каким-то кошачьим движением вскочил на ноги и исчез в завывающем грозном ветре.

2

Пендергаст добежал до Риверсайд-драйв и задержался на углу, осматривая широкую улицу в обе стороны – на север и на юг. Дождь лил теперь как из ведра, машин почти не было, а пешеходы и вовсе исчезли. Его взгляд остановился на ближайшей машине в трех кварталах к югу: лимузин «линкольн» одной из последних моделей, черного цвета, таких тысячи на улицах Манхэттена. Подсветка номерного знака была выключена, делая нью-йоркский номер нечитаемым.

Пендергаст бросился за машиной.

Лимузин, не набирая скорости, продолжал неторопливо ехать по улице, на каждом перекрестке попадая под зеленую волну и постоянно увеличивая разделяющее их расстояние. Когда же свет перед машиной переключился на желтый, а потом и на красный, лимузин все с той же скоростью проехал на запрещающий сигнал.

Пендергаст вытащил сотовый и на бегу набрал номер:

– Проктор, подъезжайте. Я на Риверсайд, направление на юг.

Лимузин почти исчез из виду, если не считать блеклых задних габаритных огней, едва видимых за стеной дождя, а когда Риверсайд-драйв сделала небольшой поворот на пересечении со 126-й улицей, даже и эти огни исчезли.

Пендергаст продолжал нестись сломя голову, полы его черного пиджака развевались, дождь хлестал по лицу. Еще несколько кварталов – и он снова увидел тот лимузин, остановившийся перед светофором за двумя другими машинами. Пендергаст снова вытащил телефон и набрал номер.

– Двадцать шестой участок, – послышался голос. – Полицейский Пауэлл.

– Говорит специальный агент Пендергаст, ФБР. Преследую черный лимузин, номер нью-йоркский, прочесть невозможно. Едет на юг по Риверсайд в районе Сто двадцать четвертой. Находящиеся в машине подозреваются в убийстве. Нужна помощь.

– Десять-четыре, – раздался голос дежурного. И секунду спустя: – У нас в этом районе, в двух кварталах отсюда, патрульная машина. Сообщайте нам об изменении маршрута.

– Воздушная поддержка тоже нужна, – сказал Пендергаст, продолжая бежать.

– Сэр, если эти люди только подозреваемые...

– Это приоритетный объект для ФБР. Повторяю: *приоритетный объект*.

После короткой паузы пришел ответ:

– Выпускаем птичку.

Пендергаст убрал телефон, и в этот момент лимузин неожиданно обогнул две машины, стоящие под красным, заехал на бордюрный камень, пересек тротуар, смял несколько клумб в Риверсайд-парке, перемалывая колесами мокрую землю, а потом рванул по встречной полосе ко въезду на Генри-Гудзон-паркуэй.

Сообщив полиции об изменении маршрута лимузина, Пендергаст снова позвонил Проктору, после чего свернул в парк, перепрыгнул через низкую ограду и побегал по клумбам с тюльпанами, не спуская глаз с задних габаритных огней лимузина, который, скрежеща шинами, поднялся по съездному пандусу на Генри-Гудзон-паркуэй.

Пендергаст перепрыгнул через низкую каменную стену на дальней стороне дороги и заскользил по насыпи к набережной, разбрасывая мусор и битое стекло в попытке остановить машину. Он упал, перекатился и поднялся на ноги, тяжело дыша, промокший до такой степени, что белая рубашка прилипла к груди. Лимузин на его глазах развернулся в обратном направлении и помчался по выездной спирали в его сторону. Пендергаст потянулся было за «лес-баером», но обнаружил, что кобура пуста. Он быстро оглядел темную набережную и был вынужден откатиться в сторону, когда по нему полоснул яркий луч света. Как только машина

проехала, он снова поднялся на ноги и проследил взглядом за тем, как она влилась в основной поток движения.

Почти в тот же миг рядом с ним резко затормозил винтажный «роллс-ройс». Пендергаст открыл заднюю дверь и запрыгнул на сиденье.

– Преследуем лимузин, – сказал он Проктору, пристегиваясь.

«Роллс» плавно набрал скорость. Пендергаст услышал сзади слабый вой сирен, но полиция была слишком далеко, и ей грозило застрять в городском трафике. Он достал из бокового отделения полицейскую рацию. Погоня усложнялась, лимузин менял полосы, подрезал другие машины на скорости, приближающейся к сотне миль в час, даже когда они оказались на ремонтном участке, где бетонные ограждения стояли вдоль обеих обочин.

На полицейском канале шли интенсивные переговоры, но машина Пендергаста была ближе всех к лимузину. Вертолета он пока не видел.

Внезапно в скоплении машин впереди сверкнули яркие вспышки, а за ними последовал звук выстрелов.

– Выстрелы! – прокричал Пендергаст в открытый полицейский канал.

Он сразу же понял, что происходит. Машины впереди бешено завияли из стороны в сторону, запаниковав из-за непрекращающихся выстрелов. Потом раздались звуки ударов и хруст, когда несколько машин на высокой скорости врезались друг в друга, вызывая цепную реакцию, и на дороге быстро образовался затор из битого дымящегося железа. Проктор умело сбросил скорость и перешел на торможение двигателем, попытавшись объехать затор. «Роллс» под углом ударился о бетонное ограждение, его отбросило назад, и он получил удар сзади от машины, которая с оглушительным металлическим скрежетом врезалась в образовавшееся нагромождение. Пендергаст чуть не вылетел вперед, но ремень безопасности сработал жестко, а затем его вжало в сиденье. Слегка оглушенный, он услышал шипение пара, вопли, крики, скрежет тормозов и новые удары – машины продолжали пополнять собой затор. К этому примешивался усиливающийся вой сирен, и наконец раздалось характерное «чоп-чоп-чоп» вертолета.

Страхнув с себя битое стекло, Пендергаст постарался собраться с мыслями. Он расстегнул ремень безопасности и наклонился вперед посмотреть, что с Проктором.

Проктор был без сознания, его голова была залита кровью. Пендергаст нащупал рацию, чтобы вызвать помощь, но двери машины уже открылись, и к нему протянулись руки медиков.

– Не трогайте меня, – отмахнулся он. – Займитесь водителем.

Пендергаст вышел из машины под проливной дождь, страхнув с себя на асфальт еще порцию осколков. Он посмотрел вперед, на непролазную мешанину автомобилей и море мигающих огней, слушая крики фельдшеров и полицейских и стрекот бесполезного вертолета, описывающего круги над этим хаосом.

Черный лимузин давно исчез.

3

Лейтенант Питер Энглер, бывший активист-эколог, окончивший Университет Брауна по специальности «античная литература», не был типичным нью-йоркским полицейским. Но у него имелись кое-какие общие с его коллегами-полицейскими качества: он любил, когда дела расследуются чисто и быстро, и еще он любил видеть преступников за решеткой. Та самая целеустремленность, которая в 1992 году, на четвертом курсе, усадила его за перевод «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида, а позднее в том же десятилетии гнала забивать гвозди в древние секвойи, чтобы испортить настроение лесорубам с бензопилами, – та же самая целеустремленность заставляла его, не жалея сил, делать карьеру в полиции, где он довольно рано, в возрасте тридцати шести лет, дослужился до звания лейтенанта и должности главы сыскного отдела. Он организовывал расследования, как военные операции, и требовал от своих подчиненных, чтобы они четко и неукоснительно исполняли свой долг. Результаты, которые он получал благодаря такой стратегии, были источником непреходящей гордости Энглера.

Именно поэтому последнее расследование вызывало у него такое беспокойство.

Собственно говоря, дело было открыто всего двадцать четыре часа назад, и его подчиненных нельзя было обвинить в отсутствии прогресса. Они все делали как положено. Сотрудники, первыми прибывшие на место, обеспечили безопасность, взяли показания, задержали свидетелей до прибытия криминалистов. Те в свою очередь тщательно обследовали место происшествия, осмотрели и собрали улики. Команда Энглера работала в тесном взаимодействии с бригадой экспертов, специалистами по дактилоскопии, судмедэкспертами и фотографами.

Нет, его беспокойство было связано с необычным характером преступления и, по иронии судьбы, с отцом покойного – специальным агентом ФБР. Энглер прочел распечатку заявления, сделанного этим агентом, и отметил его лаконичность и отсутствие полезной информации. Хотя это вроде бы никак не препятствовало расследованию, но агент почему-то не желал впускать их в свой дом за пределы места преступления, он даже не позволил одному из полицейских воспользоваться туалетом. Официально ФБР в деле, конечно, не участвовало, но Энглер был готов из любезности предоставить этому человеку доступ к собранным материалам, если он того пожелает. Но агент не обратился к нему с такой просьбой. Если бы Энглер не был опытным полицейским, он бы предположил, что Пендергаст не хочет, чтобы убийца его сына был найден.

Поэтому он и решил лично поговорить с Пендергастом ровно... (он посмотрел на часы) ровно через одну минуту.

И ровно через одну минуту агента проводили в его кабинет. Провожающим был сержант Лумис Слейд, адъютант Энглера, его личный помощник и часто пресс-секретарь. Энглер опытным глазом отметил необычные детали внешности посетителя: высокий, худощавый, с очень светлыми волосами и бледно-голубыми глазами. Черный костюм и темный галстук с простым рисунком довершали аскетическую картину. Ну никак он не был похож на типичного агента ФБР. Но с учетом мест его проживания – квартира в «Дакоте» и великолепный особняк на Риверсайд-драйв, куда подбросили тело, – Энглер решил, что удивляться не стоит. Он предложил агенту стул, после чего занял свое место за столом. Сержант Слейд расположился в дальнем углу, за спиной у Пендергаста.

– Агент Пендергаст, – начал Энглер, – спасибо, что пришли.

Человек в черном костюме наклонил голову.

– Прежде всего позвольте мне выразить соболезнования в связи с вашей утратой.

Пендергаст не ответил. В его взгляде не было скорби. Напротив, его лицо оставалось бесстрастным. Оно было закрытой книгой.

Кабинет Энглера не был похож на кабинеты других лейтенантов нью-йоркской полиции. Да, конечно, тут имелись шкафы с папками и стопки докладов, но на стенах вместо благодарностей и фотографий с высоким начальством висела дюжина карт античного мира. Энглер был страстным коллекционером-картографом. Обычно вниманию посетителей его кабинета немедленно предлагалась страница из Французского атласа Леклерка 1631 года, или лист 58 из Атласа Британии Огилби, на котором была показана дорога из Бристоля в Эксетер, или – его радость и гордость – пожелтевший, хрупкий фрагмент из Пейтингеровой таблицы, скопированной Абрахамом Ортелием¹. Но Пендергаст даже мельком не взглянул на коллекцию.

– Я бы хотел, если вы не возражаете, задать несколько вопросов по вашему первоначальному заявлению. И должен заранее вас предупредить, что эти вопросы будут неудобными и неприятными. Заранее прошу прощения. Ввиду вашей собственной службы в силовой структуре, я надеюсь, вы меня поймете.

– Естественно, – ответил агент со сладкозвучным южным акцентом, но за этим сладкозвучием слышалось что-то жесткое, металлическое.

– У этого преступления, говоря откровенно, есть несколько аспектов, которые меня обескураживают. Согласно вашему заявлению и заявлению вашей... – взгляд в бумаги на столе, – подопечной мисс Грин, вчера вечером, приблизительно в двадцать минут десятого, в парадную дверь вашей резиденции постучали. Когда мисс Грин открыла дверь, она обнаружила на крыльце тело вашего сына, связанного толстыми веревками. Убедившись, что он мертв, вы принялись преследовать черный лимузин, который направлялся на юг по Риверсайд-драйв. В то же время вы позвонили в «девять-один-один». Верно?

Агент Пендергаст кивнул.

– Откуда у вас возникло впечатление, по крайней мере вначале, что убийца находится в том автомобиле?

– Других машин на дороге не было. Как не было и пешеходов.

– Вам не пришло в голову, что преступник мог спрятаться где-то на вашей земле, а потом исчезнуть каким-нибудь другим путем?

– Эта машина несколько раз проскочила на красный свет, выехала на тротуар, проутюжила клумбу, въехала на Генри-Гудзон-паркуэй по встречной, сделала запрещенный поворот. Иными словами, если вы смотрели на эту машину, у вас возникало твердое впечатление, что она пытается скрыться от преследования.

Сухое, слегка ироничное изложение этих соображений подействовало Энглеру на нервы.

Пендергаст продолжил:

– Позвольте узнать, почему полицейский вертолет появился с таким опозданием?

Это еще больше раздражило Энглера.

– Он появился без опоздания – через пять минут после вызова. Это очень хорошо.

– Это недостаточно хорошо.

Пытаясь вернуть контроль над разговором, Энглер произнес чуть резче, чем собирался:

– Возвращаясь к преступлению. Несмотря на тщательное прочесывание близлежащих районов, мои детективы не нашли ни одного свидетеля, который видел бы этот лимузин. Кроме тех, кто находился непосредственно на Вест-Сайд-хайвее. Никаких следов насилия, никаких наркотиков или алкоголя в организме вашего сына не обнаружено; он умер оттого, что ему сломали шею примерно за пять часов до того, как вы его обнаружили... по крайней мере, таково предварительное заключение перед вскрытием. По словам мисс Грин, ей потребовалось секунд пятнадцать, чтобы дойти до двери. Таким образом, мы имеем убийцу, который лишает

---

¹ *Пейтингерова (Певтингерова) таблица* – копия XIII века с древнеримской карты с изображением дорог и основных городов Римской империи; названа по имени одного из владельцев. *Абрахам Ортелиус* – фламандский картограф XVI века, составивший первый в истории географический атлас.

вашего сына жизни, связывает его – не обязательно именно в таком порядке, – ставит у входной двери в особняк в состоянии трупного окоченения, звонит в дверь, садится в машину и успевает проехать несколько кварталов, прежде чем вы начинаете преследование. Как он – или они, если убийца был не один, – успели проделать все это?

– Преступление было безупречно спланировано и осуществлено.

– Что ж, возможно. Но не могло ли быть так, что вы были в шоке – и это вполне понятно, учитывая обстоятельства, – и реагировали не так быстро, как об этом сказано в вашем заявлении?

– Нет.

Энглер взвесил этот лаконичный ответ. Он взглянул на сержанта Слейда, как обычно, молчаливого, словно Будда, потом снова на Пендергаста:

– Тогда поговорим о... хм... театральном характере самого преступления. Ваш сын обвязан канатами и привезен к вашей двери – здесь есть определенные признаки гангстерского убийства. А это возвращает меня к основной канве моих вопросов... и опять прошу меня извинить, если мои вопросы покажутся вам навязчивыми или оскорбительными. Не был ли ваш сын каким-либо образом связан с уголовным миром?

Агент Пендергаст посмотрел на Энглера все с тем же бесстрастным, непроницаемым выражением:

– Я понятия не имею, с чем был связан мой сын. Как я указал в своем заявлении, мы с сыном чужие люди.

Энглер перевернул страничку:

– Криминалисты выездной бригады и мои собственные детективы тщательно осмотрели место преступления. Весьма примечательно, что там не обнаружено никаких явных улик. И никаких скрытых, полных или частичных, кроме тех, что оставлены вашим сыном. Ни одного волоска, ни одного волоконца, кроме тех, что принадлежат вашему сыну. На нем новенькая, с иголки, одежда, хотя и без всяких претензий. Более того, его мертвое тело было тщательно обмыто и одето. На дороге мы не нашли ни одной гильзы, поскольку стреляли, видимо, из автомобиля. Иными словами, преступникам было известно, как действует бригада криминалистов на месте преступления, и они очень старались не оставить никаких улик. Они точно знали, что делают. Мне любопытно, агент Пендергаст, как вы объясните это с профессиональной точки зрения.

– Я могу лишь еще раз повторить, что это тщательно спланированное преступление.

– Тот факт, что тело оставили у вас перед дверью, наводит на мысль о том, что преступники послали вам сообщение. У вас есть какие-либо предположения, о чем оно может быть?

– Я не в состоянии делать предположения.

«Не в состоянии делать предположения». Энглер внимательнее посмотрел на агента Пендергаста. Он допрашивал многих родителей, подавленных гибелью ребенка. Нередко скорбящие родители пребывали в шоке, в оцепенении. Их ответы на вопросы зачастую были не по делу, неуверенными, неполными. Но Пендергаст вел себя совершенно иначе. Похоже, он полностью владел собой. Казалось, что он не хочет сотрудничать или не имеет к этому никакого интереса.

– Поговорим о загадке вашего сына, – сказал Энглер. – Единственным свидетельством того, что он действительно ваш сын, является ваше утверждение. Его нет ни в одной базе данных правоохранительных организаций, проверенных нами: ни в Объединенной базе ДНК, ни в Автоматизированной дактилоскопической системе идентификации, ни в Национальном информационном центре регистрации преступлений. У него нет ни свидетельства о рождении, ни водительских прав, ни номера социального страхования, ни паспорта, ни документов об обучении, ни въездной визы в эту страну. В карманах у него ничего не обнаружено. Мы ожидаем сравнения теста ДНК с нашей базой, но из всего того, что нам стало известно о вашем сыне, можно сделать вывод, что его, по сути, никогда не существовало. В своем заявлении вы

указали, что он родился в Бразилии и не являлся гражданином Штатов. Но он не является и гражданином Бразилии, и в этой стране нет о нем никаких сведений. Города, в котором, по вашим словам, он вырос, похоже, не существует, по крайней мере официально. Нет никаких свидетельств о его выезде из Бразилии или въезде в эту страну. Как вы можете это объяснить?

Агент Пендергаст медленно закинул ногу на ногу.

– Никак. В моем заявлении указано, что я узнал о существовании моего сына – о том, что у меня есть сын, – около восемнадцати месяцев назад.

– И вы видели его тогда?

– Да.

– Где?

– В бразильских джунглях.

– А с тех пор?

– С тех пор я его не видел и с ним не общался.

– Почему? Почему вы его не искали?

– Я вам уже сказал: мы с ним чужие люди.

– А почему, собственно, вы чужие?

– У нас несовместимость личностей.

– Что вы можете сказать о его характере?

– Я его практически не знал. Ему доставляли удовольствие злые игры. Он был большим докой в утрашении и унижении.

Энглера глубоко вздохнул. Эти ответы ни о чем начали его доставать.

– А его мать?

– Из моего заявления вам известно, что она умерла вскоре после его рождения, в Африке.

– Да. Несчастный случай на охоте. – В этом тоже было что-то странное, но Энглера в один момент времени мог разбираться только с одной нелепостью. – У вашего сына могли быть какие-нибудь неприятности?

– Нисколько в этом не сомневаюсь.

– И что это за неприятности?

– Понятия не имею. Он обладал удивительной способностью справляться с худшими неприятностями.

– Как вы можете утверждать, что у него были неприятности, не зная их характера?

– Дело в том, что у него были сильные криминальные наклонности.

Они ходили по замкнутому кругу. У Энглера создалось сильное впечатление, что Пендергаст не только не заинтересован в том, чтобы помочь полиции найти убийцу сына, но и, возможно, утаивает информацию. Зачем ему это нужно? Никто даже не был уверен, что убитый – его сын. Да, внешнее сходство бросалось в глаза. Но, кроме опознания самого Пендергаста, других свидетельств не было. Интересно посмотреть, не найдется ли его ДНК в базе данных. И потом будет просто сравнить его ДНК с ДНК Пендергаста, поскольку он агент ФБР и данные на него в базе уже есть.

– Агент Пендергаст, – холодно произнес Энглера, – я должен еще раз задать вопрос: есть ли у вас какие-либо подозрения, касающиеся возможных убийц вашего сына? Какие-либо предположения, почему труп привезли к вашим дверям?

– Все, что я мог сказать, изложено в моем заявлении.

Энглера отодвинул в сторону лежащий перед ним протокол. Это был только первый раунд. Разговор с этим человеком еще не закончен.

– Не знаю, что тут удивительнее: особенности этого убийства, ваше непонятное безразличие к нему или полное отсутствие документальных свидетельств существования вашего сына.

Лицо Пендергаста оставалось абсолютно непроницаемым.

– «И как хорош тот новый мир, – продекламировал он, – где есть такие люди».

– «Тебе все это ново»², – не замедлил ответить Энглер.

Впервые за все время их разговора на лице Пендергаста мелькнул интерес. Его глаза слегка расширились, и он посмотрел на детектива с выражением, похожим на любопытство.

Энглер подался вперед и положил локти на стол:

– Я думаю, на сегодня мы закончили, агент Пендергаст. Позвольте мне в завершение сказать кое-что. Возможно, вам и не хочется, чтобы это дело было раскрыто. Но оно непременно будет раскрыто, и это сделаю я. Я доведу дело до самого конца, а если потребуется, то и до дверей некоего молчаливого агента ФБР. Вы меня поняли?

– Меньшего я и не ожидал.

Пендергаст поднялся, постоял немного и, кивнув Слейду от дверей, вышел из кабинета, не сказав больше ни слова.

Вернувшись в свой особняк на Риверсайд-драйв, Пендергаст целеустремленно прошел через зал приемов в библиотеку. Подойдя к высокому книжному шкафу, заполненному томами в кожаных переплетах, он сдвинул в сторону деревянную панель, за которой обнаружился ноутбук. Быстро набирая текст и вводя при необходимости пароли, Пендергаст первым делом вошел на сервер нью-йоркской полиции, затем в базу данных по нераскрытым убийствам. Записав адреса некоторых ссылок, он перешел в полицейский банк ДНК, где отыскал данные тестов ДНК по предполагаемому Убийце из отеля, который полутора годами ранее терроризировал город жестокими убийствами в элитных манхэттенских отелях.

Хотя Пендергаст вошел в банк как авторизованный пользователь, все данные были защищены и он не мог внести в них изменения или стереть их.

Несколько секунд Пендергаст смотрел на монитор. Потом вытащил из кармана телефон и набрал номер в Ривер-Пойнт, штат Огайо. Ему ответили после первого звонка.

– Так-так, – сказал тихий голос. – Да это же мой любимый мистер секретный агент.

– Здравствуйте, Мим, – ответил Пендергаст.

– Чем я могу помочь сегодня?

– Нужно удалить кое-какие записи из базы данных нью-йоркской полиции. Тихо и без следа.

– Всегда рад насолить нашим друзьям в синей форме. Скажите, это как-нибудь связано с... как же она называлась... с операцией «Лесной пожар»?

Пендергаст ответил не сразу:

– Да. Но прошу вас, Мим, больше никаких вопросов.

– В чем в чем, а в любопытстве меня нельзя обвинить. Ну да бог с ним. У вас есть адреса ссылок?

– Дайте мне знать, когда будете готовы.

– Я уже готов.

Не отрывая глаз от монитора, а пальцев от сенсорной панели, Пендергаст медленно, четким голосом начал диктовать цифры.

---

² У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1. Перевод М. Донского.

4

Телефон Пендергаста зазвонил в шесть тридцать вечера. На экране высветилось: «Неизвестный номер».

– Специальный агент Пендергаст? – Голос был безликим, монотонным, но в то же время знакомым.

– Да.

– Я ваш друг в беде.

– Слушаю.

Сухой смешок.

– Мы встречались как-то раз. Я пришел к вам домой. Мы поехали под мост Джорджа Вашингтона. Я передал вам папку.

– Конечно. Это касалось Локка Балларда. Вы джентльмен из... – Пендергаст оборвал себя, прежде чем успел назвать место работы этого человека.

– Да. И вы поступаете мудро, не доверяя эти ужасные аббревиатуры незащищенной линии сотового телефона.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил Пендергаст.

– Лучше бы вы спросили, чем я могу быть полезен вам.

– Почему вы решили, что мне нужна помощь?

– Два слова. Операция «Лесной пожар».

– Понятно. Где мы встретимся?

– Вы знаете тир ФБР на Западной Двадцать второй?

– Конечно.

– Через полчаса. Стрелковый бокс номер шестнадцать. – На этом связь прервалась.

Пендергаст вошел в двойные двери длинного низкого здания на углу Двадцать второй улицы и Восьмой авеню, показал свое удостоверение женщине в проходной, спустился по короткому лестничному пролету, снова показал удостоверение сотруднику, обеспечивающему безопасность стрельбы, взял несколько бумажных мишеней, защитные наушники и вышел в зону стрельб. Он прошел мимо холла, агентов, тренеров и инструкторов по стрелковому оружию к боксу номер шестнадцать. Между каждыми двумя боксами имелись звукозащитные перегородки, и Пендергаст отметил, что шестнадцатый и соседний семнадцатый боксы пусты. Звук выстрелов из соседних боксов приглушался лишь частично, и Пендергаст, всегда чувствительный к звукам, надел защитные наушники.

Он раскладывал на полочке перед собой четыре пустых магазина и коробку с патронами, когда почувствовал чье-то присутствие. В боксе появился высокий худой мужчина средних лет в сером костюме, с лицом, слишком изборожденным морщинами для его возраста, и с глубоко посаженными глазами. Пендергаст сразу узнал этого человека. Волосы его немного поредели с той их первой – и единственной – встречи года четыре назад, но во всем остальном он не изменился: самый обычный, по-прежнему окруженный аурой легкой безликости. Столкнешься с таким человеком на улице и уже через минуту не сможешь его описать.

Не ответив на взгляд Пендергаста, человек вытащил из-под пиджака «Зиг-Зауэр Р229» и положил на полочку в семнадцатом боксе. Он не надел защитных наушников и ненавязчивым движением, по-прежнему не глядя на Пендергаста, попросил агента снять свои.

– Интересное место встречи, – сказал Пендергаст, глядя в сторону пулеприемника. – Гораздо менее уединенное, чем машина под мостом Джорджа Вашингтона.

– Само отсутствие уединенности делает это место даже более неприметным. Просто два сотрудника федеральных служб практикуются в стрельбе. Ни телефонов, ни жучков, ни проводов. И конечно, при таком шуме ни малейшего шанса, что нас подслушают.

– Администратор тира запомнит появление оперативника из ЦРУ в фэбээровском тире, тем более что вы, парни, обычно не стараетесь прятать оружие.

– У меня есть разные обличья. Ничего конкретного он не запомнит.

Пендергаст открыл коробку с патронами и принялся заряжать магазины.

– Мне нравится ваш девятьсот одиннадцатый, – заметил человек, взглянув на оружие Пендергаста. – «Лес-баер тандер рэнч специал»? Красивая штучка.

– Может, вы наконец скажете, почему мы здесь?

– После нашей первой встречи я не выпускал вас из виду, – сказал человек, по-прежнему избегая встречаться глазами с Пендергастом. – Меня заинтриговало, когда я узнал, что вы были одним из инициаторов «Лесного пожара». Скрытная, но интенсивная мониторинговая операция, которую осуществляют некоторые сотрудники как ФБР, так и ЦРУ с целью обнаружения некоего молодого человека, который то ли называет, то ли не называет себя Альбаном, который то ли прячется, то ли не прячется в Бразилии или соседних с ней странах, который бегло говорит на португальском, английском и немецком и, самое главное, считается чрезвычайно способным и крайне опасным.

Вместо ответа Пендергаст повесил мишень («бычий глаз» с красным крестом в центре) на монорельс и, нажав слева от себя кнопку «назад», заставил мишень отъехать на все двадцать пять ярдов. Человек рядом с ним повесил фэбээровскую квалификационную мишень (серая, похожая на бутылку форма без градуировки или центра) и отодвинул ее в самый конец семнадцатого бокса.

– А сегодня до меня дошли слухи о вашем заявлении в нью-йоркскую полицию, где вы утверждаете, что ваш сын, которого тоже зовут Альбан, был оставлен мертвым на пороге вашего дома.

– Продолжайте.

– Я не верю в совпадения. Поэтому и попросил вас о встрече.

Пендергаст взял один магазин и вставил его в пистолет:

– Пожалуйста, не сочтите меня грубияном, если я попрошу вас перейти к делу.

– Я могу вам помочь. Вы сдержали слово в деле Локка Балларда и избавили меня от массы хлопот. Я за взаимовыручку. И как уже сказал, я наблюдал за вами. Вы довольно интересная личность. Вполне возможно, что когда-нибудь вы опять придете мне на помощь. Это своего рода партнерство, если хотите. Я готов поставить на это.

Пендергаст не ответил.

– Вы, конечно, знаете, что можете мне доверять, – снова заговорил человек под приглушенные, но всепроникающие звуки стрельбы. – Я – сама осмотрительность, как и вы. Любая информация, которой вы со мной поделитесь, не уйдет никуда дальше моих ушей. А у меня могут обнаружиться источники, к которым вы не сумеете подобраться иными путями.

Мгновение спустя Пендергаст коротко кивнул:

– Я принимаю ваше предложение. Что касается предыстории, то у меня есть два сына-близнеца, о существовании которых я узнал всего полтора года назад. Один из этих сыновей, Альбан, – социопат-убийца самого опасного типа, вернее, был им. Он – так называемый Убийца из отеля, дело которого так и не раскрыто нью-йоркской полицией. Я хочу, чтобы дело оставалось в том же статусе, и предпринял кое-какие шаги в этом направлении. Вскоре после того, как я узнал о существовании Альбана, он исчез в джунглях Бразилии, и с тех пор я не слышал и не видел его, пока он не появился на моем пороге вчера вечером. Я всегда чувствовал, что однажды он всплывет на поверхность... и результаты будут катастрофическими. По этой причине я и инициировал операцию «Лесной пожар».

– Но по «Лесному пожару» так ничего и не поступило.

– Ничего.

Безымянный человек зарядил свое оружие, дослал патрон в патронник, прицелился, держа пистолет обеими руками, и выпустил всю обойму в квалификационную мишень. Все пули легли точно в середину серой бутылки. В огороженном пространстве выстрелы звучали оглушающе.

– Кто до вчерашнего дня знал, что Альбан – ваш сын? – спросил человек, извлекая магазин из пистолета.

– Всего несколько человек, в основном члены семьи или домашние.

– И все же кто-то не только обнаружил и захватил Альбана, но еще и умудрился его убить, подбросить к вашей двери, а потом бежать, практически не оставив следов.

Пендергаст молча кивнул.

– Короче говоря, наш преступник сумел сделать то, что не смогли ЦРУ и ФБР, и даже больше.

– Именно. У преступника выдающиеся способности. Он вполне может работать в какой-нибудь силовой структуре. Поэтому я не уверен, что нью-йоркская полиция продвинется в расследовании.

– Насколько я понимаю, Энглер – хороший полицейский.

– Увы, в этом-то и проблема. Он достаточно хорош для того, чтобы стать гириями у меня на ногах, пока я буду пытаться найти убийцу. Лучше бы уж он был некомпетентным.

– Вы поэтому были с ним таким неразговорчивым?

Пендергаст не ответил.

– У вас есть какие-то мысли насчет того, почему его убили и что хотели донести до вас этим посланием?

– В этом-то и заключается весь ужас. Я понятия не имею ни кто отправитель, ни что он хотел мне сказать.

– А другой ваш сын?

– Он за границей, и я просил поместить его под охрану.

Человек вставил в свой «зиг» новый магазин и выпустил в мишень все патроны, потом нажал кнопку возврата мишени.

– И каковы ваши ощущения? Я имею в виду убийство вашего сына.

Пендергаст долго не отвечал. Наконец он заговорил:

– Если выразиться в духе времени, наилучшим ответом будет такой: я в раздрае. Он мертв. Это положительный фактор. Но с другой стороны... он был моим сыном.

– Что вы собираетесь делать, когда – или если – найдете ответственную сторону?

Пендергаст опять промолчал. Вместо ответа он поднял «лес-баер» правой рукой, а левую завел за спину, принимая положение без упора. Быстро, выстрел за выстрелом, он опустошил магазин, затем вставил новый, взял пистолет левой рукой, снова повернулся к мишени, уже другим боком, и – на этот раз еще быстрее – произвел все семь выстрелов. Потом нажал кнопку возврата мишени.

Оперативник из ЦРУ взглянул на мишень:

– Вы буквально растерзали яблочко. Одной рукой, без упора, и к тому слабой и сильной рукой одинаково. – Последовала пауза. – Это был ваш ответ на мой вопрос?

– Я просто использовал преимущества момента, чтобы усовершенствовать мое мастерство.

– Вам не нужно его совершенствовать. В любом случае, я немедленно задействую свои ресурсы. Сообщу вам, как только найду что-нибудь.

– Спасибо.

Оперативник кивнул. Потом, надев защитные наушники, он положил свой пистолет и принялся набивать магазины.

5

Лейтенант Винсент д'Агоста начал подниматься по широкой гранитной лестнице, ведущей к главному входу в Нью-Йоркский музей естественной истории. При этом он, шурясь от полуденного солнца, обводил взглядом величественный фасад в стиле боз-ар, протянувшийся на четыре городских квартала. Это здание вызывало у него плохие воспоминания... и то, что именно сейчас ему приходится идти сюда, он воспринимал как неприятный выверт судьбы.

Прошлым вечером он вернулся из свадебного путешествия со своей новой женой Лорой Хейворд. Это были две лучшие недели в его жизни, проведенные в «Тертл-Бей-Ресорт» на сказочном северном берегу острова Оаху. Молодожены загорали, преодолевали пешком целые мили по безукоризненно чистому берегу, плавали с аквалангом в бухте Куилима – ну и, конечно, еще ближе узнавали друг друга. Это был настоящий рай.

А потому приказ явиться на работу на следующее же утро – воскресное утро, ни больше ни меньше, – и назначение старшим группы по расследованию убийства лаборанта из отдела остеологии музея стали для него жутким потрясением. Мало того что на него взвалили дело в ту же минуту, как он вернулся, так еще и работать придется в здании, в которое он хотел бы никогда больше в жизни не входить.

И тем не менее он был намерен довести расследование до конца, чтобы преступник предстал перед судом. Именно из-за таких дерьмовых убийств Нью-Йорк и приобрел дурную репутацию, – случайных, бессмысленных, злобных убийств какого-нибудь бедолаги, который оказался не в том месте и не в то время.

Д'Агоста остановился перевести дыхание... черт, нужно будет сесть на диету после двух недель пои, свинины калуа, опихи, гаупии³ и пива. Наконец он поднялся по лестнице и прошел через входную дверь в необъятное пространство Большой ротонды. Здесь он снова остановился и вытащил свой айпад, чтобы освежить в памяти подробности дела. Об убийстве стало известно предыдущим вечером. Вся работа по осмотру места происшествия была завершена. Д'Агоста первым делом собирался заново допросить охранника, который обнаружил тело. Потом у него была назначена встреча с руководителем отдела по связям с общественностью, который наверняка будет больше озабочен сохранением репутации музея, чем раскрытием преступления. В списке лиц, которых собирался допросить д'Агоста, было еще с полдесятка имен.

Он показал охраннику свое удостоверение, получил временный пропуск и направился по гулкому коридору мимо динозавров к следующему пропускному пункту, затем через неприметную дверь и далее по лабиринту служебных коридоров в Центр безопасности, – маршрут, слишком хорошо ему знакомый. В зоне ожидания сидел одинокий охранник в форме. Как только д'Агоста вошел, охранник вскочил на ноги.

– Марк Уиттакер? – спросил д'Агоста.

Человек поспешно кивнул. Он был невысок – около пяти футов трех дюймов – и дороден, с карими глазами и начинающими редеть светлыми волосами.

– Лейтенант д'Агоста, отдел по расследованию убийств. Я знаю, вас уже допрашивали, так что постараюсь не отнимать у вас много времени.

Он пожал вялую, потную руку. Из собственного опыта он знал, что существует два типа частных охранников: несостоявшиеся полицейские, обидчивые и задиристые, либо кроткие швейцары, трусливые и запуганные настоящими копами. Марк Уиттакер явно принадлежал ко второму типу.

– Мы можем поговорить на месте преступления?

---

³ *Пои* – традиционное гавайское блюдо; *калуа* – метод приготовления еды по-гавайски в земляной печи; *опихи* – моллюски; *гаупия* – десерт из кокосового молока.

– Да, конечно.

Похоже, Уиттакер был рад угодить.

Последовав за ним, д'Агоста совершил еще одно длинное путешествие из недр музея в его публичное пространство. Они шли по петляющим коридорам, и д'Агоста невольно поглядывал на экспонаты в шкафах. Прошло уже несколько лет с тех пор, как он был здесь в последний раз, но тут мало что изменилось. Они прошли по затемненному двухэтажному Африканскому залу, мимо стада слонов, а оттуда в зал африканских народов, Мексики и Центральной Америки, Южной Америки, – зал за залом, которые наполнены клетками с птицами, золотом, керамикой, скульптурами, тканями, копьями, одеждой, масками, скелетами, обезьянами... Д'Агоста обнаружил, что тяжело дышит. Черт побери, неужели он едва поспекает за этим жирным коротышкой-охранником?

Они прошли в зал морской жизни, и Уиттакер наконец остановился у одной из самых отдаленных ниш. Вход в нее был перетянут желтой лентой, какой обычно ограждают место преступления. У ленты стоял музейный охранник.

– «Уголок брюхоногих», – прочитал д'Агоста название на медной табличке перед входом. Уиттакер кивнул.

Д'Агоста показал удостоверение охраннику, поднырнул под ленту и жестом позвал за собой Уиттакера. Они оказались в темном пространстве со спертым воздухом. На трех стенах ниши висели стеклянные шкафы с раковинами всех форм и размеров – от улиточных и двустворчатых до витых обиталищ трубача. В расположенных под шкафами витринах высотой по пояс были выставлены раковины других моллюсков. Д'Агоста фыркнул. Наверное, это было самое малопосещаемое место во всем этом треклятом музее. Его взгляд упал на стромбуса, розоватого и сияющего, и на мгновение д'Агоста перенесся в один из вечеров на Гавайях, когда песок все еще хранил тепло лучей только что закатившегося солнца, Лора лежала рядом с ним, а к их ногам подбегали пенистые волны прибоя. Он вздохнул и вернулся в настоящее.

Д'Агоста заглянул под витрину, где мелом были очерчены контуры тела и виднелись бирки на местах найденных улик, а также длинная полоса засохшей крови.

– Когда вы нашли тело?

– В субботу поздно вечером. Минут десять двенадцатого.

– А в какое время у вас начинается дежурство?

– В восемь.

– И этот зал – часть вашей зоны ответственности?

Уиттакер кивнул.

– Когда закрывается музей по субботам?

– В шесть.

– Как часто вы проходите через этот зал во время дежурства?

– По-разному. Интервалы между обходами могут составлять от получаса до сорока пяти минут. У меня есть магнитная карта, которой я должен провести по считывающему устройству, когда начинаю обход. Администрация недовольна, когда наши обходы становятся предсказуемо регулярными.

Д'Агоста вытащил из кармана план этажа, который прихватил по пути сюда:

– Вы можете нарисовать здесь маршрут ваших обходов или как вы их там называете?

– Конечно.

Уиттакер выудил из кармана ручку и провел на плане неровную линию, охватившую большую часть этажа, после чего вернул листок д'Агосте.

Тот внимательно рассмотрел план:

– Похоже, обычно вы не заходите в эту нишу.

Уиттакер немного помолчал, словно обдумывая, нет ли тут подвоха:

– Обычно не захожу. Ведь это тупик. Так что чаще всего я прохожу мимо.

– Что же заставило вас заглянуть туда вчера в одиннадцать вечера?

Уиттакер потер лоб:

– Кровь оттуда вытекла в середину зала. Когда я включил фонарик, луч света упал на... на лужу.

Д'Агоста вспомнил всю эту кровяную лужу на фотографиях выездной бригады криминалистов. Судя по реконструкции преступления, пожилой работник музея Виктор Марсала получил удар по голове тупым предметом, когда выходил из ниши. Его тело засунули под витрину, предварительно сняв часы, забрав бумажник и обчистив карманы.

Д'Агоста заглянул в свою записную книжку:

– Вчера вечером происходило что-нибудь необычное?

– Нет.

– Никаких ночных гостей, частных вечеринок, кинопросмотров, экскурсий после закрытия музея? Ничего в таком роде?

– Ничего.

Д'Агоста уже знал ответы на большинство своих вопросов, но хотел пробежаться по знакомой почве вместе со свидетелем, на всякий случай. Согласно отчету коронера, смерть наступила около половины одиннадцатого.

– В течение сорока минут до обнаружения тела вы видели кого-нибудь или что-нибудь необычное? Запоздавшего посетителя, который сказал, что заблудился? Работника музея не в его обычной рабочей зоне?

– Ничего такого я не видел. Все как всегда: хранители и научные сотрудники, работающие допоздна.

– А этот зал?

– Он был пуст.

Д'Агоста кивнул в сторону незаметной двери в дальней стене, с табличкой «Выход» над ней:

– А эта дверь куда ведет?

Уиттакер пожал плечами:

– В подвал.

Д'Агоста задумался. Неподалеку находился зал южноамериканского золота, но там, слава богу, все на месте, ничего не украдено и не перемещено. Можно было предположить, что Марсала, направляясь к выходу по завершении вечерней работы, потревожил какого-то бродягу, который прилег вздремнуть в этом темном уголке музея, однако д'Агоста сомневался, что история была настолько экзотичной. Если тут и было что-то необычное, так это то, что убийце удалось уйти из музея незамеченным. В нерабочее время из музея можно выйти только через хорошо охраняемый пропускной пункт на первом этаже. Возможно, убийца – кто-то из сотрудников музея? У д'Агосты имелся список всех, кто в тот день работал допоздна, – список на удивление длинный. Правда, и музей был огромным учреждением, в котором работали несколько тысяч человек.

Д'Агоста задал Уиттакеру еще несколько формальных вопросов, потом поблагодарил его.

– Я тут еще осмотрюсь, а вы можете возвращаться к своим обязанностям, – сказал он.

Следующие двадцать минут он изучал нишу и прилегающее помещение, постоянно сверяясь с фотографиями с места преступления. Но ничего нового не увидел; похоже, криминалисты ничего не упустили.

Подавив вздох, д'Агоста засунул айпад в портфель и двинулся в сторону отдела по связям с общественностью.

6

В списке любимых занятий лейтенанта Питера Энглера присутствие на вскрытии занимало последнее место. Нет, он не падал в обморок при виде крови. За пятнадцать лет службы в полиции он повидал достаточно мертвых тел – застреленных, заколотых, забитых, сбитых машиной, отравленных, расплюснутых на тротуаре, разорванных в куски на путях подземки. Не говоря уже о его собственных ранениях. Он был человеком, который умел постоять за себя: исполняя служебный долг, он неоднократно доставал оружие и два раза использовал его. Насильственная смерть не была для него в новинку. Что выбивало его из колеи, так это зрелище холодного, заданного правилами расчленения тела, извлечения одного органа за другим, их тщательное обследование, фотографирование, описание... даже сопутствующие этой процедуре шутки. И конечно, запах. Но с годами он притерпелся и теперь относился к этому стоически.

Но у этого вскрытия было нечто такое, что придавало ему особенно жуткий характер. Энглер повидал немало вскрытий, но ни разу не присутствовал при таком, за которым внимательно наблюдал бы отец жертвы.

В прозекторской находилось пять человек, если говорить о живых: Энглер; один из его детективов по фамилии Милликин; старший судмедэксперт, он же патологоанатом; лаборант-препаратор, невысокий, патлатый и горбатый, как Квазимодо; а также специальный агент Алоизий Пендергаст.

У Пендергаста, разумеется, не было здесь особого статуса. Когда он обратился с этой странной просьбой, Энглер хотел было запретить ему допуск. В конце концов, агент упорно отказывался от сотрудничества. Но Энглер навел кое-какие справки и узнал, что, хотя в ФБР Пендергаст был известен своими нестандартными методами работы, раскрываемость дел, которые он вел, была очень высокой. Энглер никогда не видел досье, в котором содержалось бы столько благодарностей и выговоров. И в конечном счете он решил, что не стоит возражать против присутствия Пендергаста на вскрытии. Все-таки это был его сын. И потом, у Энглера было ясное ощущение, что Пендергаст так или иначе найдет способ обойти его запрет.

Патологоанатом, доктор Константинеску, тоже, кажется, знал Пендергаста. Константинеску был больше похож не на судмедэксперта, а на старого доброго сельского доктора, и присутствие специального агента совсем выбило его из колеи. Он был напряженным и нервным, как кот в новом доме. Проговаривая в висящий микрофон свои медицинские наблюдения, он то и дело останавливался, оглядываясь через плечо на Пендергаста, потом прочищал горло и продолжал работать. У него ушел час только на то, чтобы провести внешнее обследование тела, – примечательное достижение ввиду полного отсутствия на теле чего-либо подлежащего экспертному исследованию. Снятие одежды, фотографирование, рентгеновский снимок, взвешивание, тесты на токсичность, указание на отсутствие особых примет и все остальное продолжалось чуть ли не целую вечность. Патологоанатом как будто боялся совершить даже малейшую ошибку, или же им владело странное нежелание выполнять эту работу. Лаборант, видимо не посвященный в подоплеку происходящего, проявлял нетерпение, переступал с ноги на ногу, снова и снова перекладывал инструменты. На протяжении всего этого времени Пендергаст, в халате, висящем на нем словно саван, неподвижно стоял чуть в стороне от остальных, переводя взгляд с Константинеску на тело сына и обратно, не произнося ни слова и не выражая никаких чувств.

– Отсутствуют явные повреждения – ссадины, кровоподтеки, колотые раны и другие травмы, – говорил в микрофон патологоанатом. – Первоначальное внешнее обследование вкуче с рентгенограммой свидетельствует, что смерть наступила в результате перелома тре-

тьего и четвертого шейных позвонков наряду с возможным поворачиванием головы, что привело к разрыву спинного мозга и последующему спинальному шоку.

Доктор Константинеску отошел от микрофона, снова откашлялся.

– Мы... гм... мы собираемся начать внутреннее обследование, агент Пендергаст.

Пендергаст по-прежнему оставался неподвижным, разве что едва заметно кивнул. Он был очень бледен, а такого бесстрастного лица Энглер, пожалуй, не видел ни у одного человека. Чем больше он узнавал Пендергаста, тем меньше тот нравился ему. Не человек, а какой-то маньяк.

Энглер сосредоточился на теле, лежащем на столе. Молодой человек был в прекрасной физической форме. Глядя на мощную мускулатуру покойного и его тонкие даже в смерти черты, Энглер вспомнил изображения Гектора и Ахилла на чернофигурных древнегреческих вазах, приписываемых художникам группы Антиопы.

«Мы собираемся начать внутреннее обследование». Это означало, что телу уже недолго оставаться красивым.

Константинеску кивнул лаборанту, и тот подал ему пилу Страйкера. Включив ее в сеть, патологоанатом принялся вскрывать черепную коробку Альбана (врезаясь в кость, пила производила резкий скрежещущий звук, от которого Энглера корежило) и наконец снял черепную крышку. Это было необычно: из своего опыта Энглер знал, что мозг обычно удаляется последним из органов. Вскрытия, как правило, начинались с Y-образного рассечения грудной клетки. Видимо, отход от правил объяснялся тем, что причина смерти – перелом шейных позвонков. Но Энглер чувствовал, что более вероятной причиной было присутствие лишнего наблюдателя. Он украдкой бросил взгляд на Пендергаста. Тот побледнел еще сильнее, а его лицо стало еще более непроницаемым.

Константинеску осмотрел мозг, осторожно извлек его, положил на весы и пробормотал данные в микрофон. Он взял несколько образцов тканей, передал их лаборанту, а затем, на сей раз не поворачиваясь, заговорил с Пендергастом:

– Агент Пендергаст... вы планируете прощание с покойным в открытом гробу?

На несколько секунд наступила полная тишина. Наконец Пендергаст ответил:

– Ни прощания, ни похорон не будет. Когда вы закончите, я отдам необходимые распоряжения, чтобы тело кремировали. – Голос его звучал, как скрежет ножа по льду.

– Понятно. – Константинеску вернул мозг в черепную коробку и немного помедлил. – Прежде чем продолжить, я бы хотел задать вам вопрос. Рентгенограмма выявила округлый объект в... желудке покойного. Но на теле нет шрамов, которые указывали бы на пулевые ранения или хирургическое вмешательство. Вам известно о каких-либо посторонних предметах, которые могут находиться в теле?

– Не известно, – ответил Пендергаст.

– Хорошо. – Константинеску медленно кивнул. – Тогда я приступаю к Y-образному рассечению.

Никто не возразил, и патологоанатом снова взял пилу Страйкера, сделал надрезы на правом и левом плечах и повел их вниз под углом так, что они встретились под грудной костью, после чего завершил рассечение, доведя скальпелем надрез до лобка. Лаборант подал ему набор механических ножниц, и Константинеску завершил раскрытие грудной полости, подняв подрезанные ребра и кожу и обнажив сердце и легкие.

Пендергаст оставался неподвижным за спиной у Энглера. По прозекторской начал распространяться известный запах – тот запах, который всегда преследовал Энглера, как и визг пилы Страйкера.

Константинеску извлек по порядку сердце, потом легкие, осмотрел их и поместил эти органы в пластиковый пакет, чтобы вернуть их в тело на завершающем восстановительном этапе аутопсии. То же самое было проделано с печенью, почками и другими важными органами.

Затем патологоанатом занялся обследованием главных артерий, рассекая их и бегло осматривая. Теперь он работал быстро, являя полную противоположность тому, что было в начале.

Далее наступила очередь желудка. После осмотра, взвешивания, фотографирования и отбора тканей Константинеску взял скальпель. Эта часть вскрытия – изучение содержимого желудка – вызывала у Энглера наибольшее отвращение. Он отодвинулся чуть дальше от стола.

Патологоанатом наклонился над желудком, лежащим в металлическом тазу, и стал ощупывать его руками в перчатках, время от времени прибегая к помощи скальпеля или пинцетов. Лаборант находился рядом. Запах в прозекторской сгустился.

Внезапно раздался звук: что-то звякнуло о стенку таза. Патологоанатом громко запыхтел. Он что-то пробормотал лаборанту, и тот подал ему чистый пинцет. Константинеску покопался в тазу с желудком и вытащил оттуда пинцетом что-то округлое, затянутае слизью, подошел к раковине и тщательно вымыл этот предмет. Когда он повернулся, Энглер, к огромному своему удивлению, увидел, что в лапках пинцета зажат камешек неправильной формы, размером чуть больше жемчужины. Темно-синий камень, драгоценный.

Краем глаза Энглер заметил, что Пендергаст наконец-то прореагировал.

Константинеску держал камень пинцетом, разглядывая его со всех сторон.

– Так-так, – пробормотал он.

Он положил камень в полиэтиленовый пакетик и запечатал его. В этот момент Пендергаст подошел к нему и пристально всмотрелся в камень. Исчезло отсутствующее, непроницаемое выражение лица, обращенный в никуда взгляд светлых глаз. В них неожиданно появилось какое-то хищное выражение, жажда, которая заставила Энглера вздрогнуть.

– Этот камень, – сказал Пендергаст. – Он нужен мне.

Энглеру показалось, что он ослышался.

– Нужен? Этот камень – первая серьезная вещественная улика, которая у нас есть.

– Именно. И поэтому я должен заполучить ее.

Энглер облизнул губы:

– Послушайте, агент Пендергаст, я понимаю, что тут на столе лежит ваш сын и вам, вероятно, приходится нелегко. Но это официальное расследование, у нас есть правила и процедуры, которым мы должны следовать, а при столь скудных уликах по этому делу...

– У меня есть ресурсы, которые могут содействовать расследованию. Мне нужен этот камень. Он должен быть у меня. – Пендергаст подошел ближе, сверля Энглера взглядом. – Пожалуйста.

Сила воздействия этого взгляда была так велика, что Энглер едва сдержался, чтобы не сделать шаг назад. Что-то подсказало ему, что Пендергаст не часто пользуется словом «пожалуйста». Несколько секунд Энглер стоял молча, раздираемый противоречивыми эмоциями. Однако эта перемена произвела на него сильное впечатление: теперь он поверил, что Пендергаст действительно заинтересован в расследовании того, что случилось с его сыном. Он внезапно проникся сочувствием к этому человеку.

– Этот камень необходимо зарегистрировать как вещдок, – сказал он. – Сфотографировать, подробно описать, каталогизировать, внести в базу данных. Когда все это будет сделано, вы сможете взять его в комнате хранения вещдоков. Но только при условии строгого соблюдения всех формальностей. Камень должен быть возвращен в течение двадцати четырех часов.

Пендергаст кивнул:

– Спасибо.

– Двадцать четыре часа, не больше.

Но он обнаружил, что говорит со спиной Пендергаста. Тот быстро шел к двери, полы его зеленого халата развевались на ходу.

7

Остеологический отдел Нью-Йоркского музея естественной истории представлял собой бесконечный ряд комнат, затиснутых под широкую кровлю; попасть туда можно было через массивные двойные двери в конце длинного коридора, в котором находились кабинеты пятого этажа, а оттуда – наверх на гигантском тихоходном грузовом лифте. Войдя в лифт и обнаружив себя в обществе мертвой обезьяны, распростертой на тележке, д'Агоста понял, почему этот отдел максимально удален от публичного пространства музея: тут воняло, как в борделе во время отлива (так любил выражаться его отец).

Грузовой лифт с грохотом остановился, двери полностью открылись, и д'Агоста вошел в остеологический отдел, огляделся и нетерпеливо потер руки. Ему предстоял разговор с Моррисом Фрисби, старшим хранителем отдела антропологии и остеологии. Впрочем, д'Агоста не очень надеялся на этот разговор, поскольку Фрисби только сегодня утром вернулся с конференции в Бостоне и в день убийства его в музее не было. Более полезным мог стать молодой человек, спешивший навстречу д'Агосте, – некто Марк Сандовал, лаборант отдела остеологии, который отсутствовал на работе целую неделю по причине сильной простуды.

Сандовал закрыл за ними входную дверь остеологического отдела. Он все еще выглядел совершенно больным: глаза красные и опухшие, лицо бледное, рука с носовым платком у носа. Что ж, подумал д'Агоста, по крайней мере, парень хоть вони не чувствует. Правда, он к ней, наверное, давно привык.

– У меня десять минут до назначенной встречи с доктором Фрисби, – сказал д'Агоста. – Не покажете мне кое-что? Я хотел бы увидеть, где работал Марсала.

– Понимаете... – Сандовал сглотнул и оглянулся через плечо.

– Что, какие-то проблемы? – спросил д'Агоста.

– Дело в том... – Еще один взгляд через плечо, потом более тихим голосом: – Дело в том, что доктор Фрисби не очень расположен... – Сандовал смолк.

Д'Агоста сразу же все понял. Ясное дело, Фрисби – типичный музейный чинуша, ревностно оберегающий свое жалкое феодальное владение и как огня боящийся любой негативной информации о нем. Д'Агоста мысленно нарисовал себе портрет этого хранителя: твидовый пиджак, усыпанный крошками недокуренного табака, докрасна прошкрябанный бритвой подбородок, дрожащий от беспокойства.

– Не беспокойтесь, – сказал д'Агоста. – Я не назову вашего имени.

Сандовал подумал еще немного и двинулся по коридору, пригласив за собой д'Агосту.

– Насколько я понимаю, вы с Марсалой работали в тесном сотрудничестве, – начал д'Агоста.

– Не теснее других. – Сандовал все еще нервничал.

– Его не очень любили?

Сандовал пожал плечами:

– Не хочу говорить плохо о покойнике.

Д'Агоста вытащил записную книжку:

– И все же скажите мне, если не возражаете.

Сандовал высморкался.

– Он был... из тех ребят, с которыми трудно иметь дело. Постоянно был на взводе.

– Почему же так?

– Думаю, про него можно сказать, что он несостоявшийся ученый.

Они прошли мимо чего-то похожего на дверь в гигантский холодильник.

– Продолжайте.

– Он учился в колледже, но не смог сдать экзамены по органической химии, а без этого докторская степень по биологии вам не светит. После колледжа он пришел сюда лаборантом. Здорово умел работать с костями. Но без степени это был его карьерный потолок. И в этом вся загвоздка. Ему не нравилось, что научные сотрудники отдают ему приказы, все должны были перед ним лебезить. Даже я, а ведь я был для Виктора почти другом, если с ним вообще можно было дружить.

Сандовал прошел в дверь слева, и они оказались в комнате, наполненной громадными металлическими чанами. Наверху несколько громадных вентиляторов деловито выводили воздух из помещения, но это мало помогало: запах был даже сильнее, чем в коридоре.

– Здесь происходит мацерация, – пояснил Сандовал.

– Что происходит?

– Мацерация. – Сандовал снова высморкался. – Понимаете, одна из главных задач отдела – добывание тел и сведение их к костному остову.

– Тел? Это что, трупов?

Сандовал ухмыльнулся:

– В прежние времена и так бывало. Ну, вы понимаете: добровольные пожертвования для медицинской науки. Но теперь только животные. Более крупные экземпляры помещаются в эти мацерационные чаны. Они наполнены теплой водой. Не стерильной. Оставляете экземпляр в таком чане на достаточно длительное время, он постепенно разжижается, и, когда вы снимаете крышку, у вас остаются одни кости. – Сандовал показал на ближайший чан с жидкостью. – Сейчас там происходит мацерация тела гориллы.

В этот момент какой-то человек вкатил в помещение тележку с тушкой обезьяны.

– А это, – сказал Сандовал, – японский макак из зоосада в Центральном парке. У нас с ними договор: все их мертвые животные попадают к нам.

У д'Агосты подкатил ком к горлу. Запах здесь стоял невыносимый, и острые жареные итальянские сосиски, которыми он позавтракал, чувствовали себя в его желудке неуютно.

– В этом и состояла главная работа Марсалы, – сказал Сандовал. – Наблюдение за процессом мацерации. Ну и конечно, он работал с жуками.

– С жуками?

– Сюда, пожалуйста.

Сандовал вернулся в коридор, миновал еще несколько дверей и вошел в очередную лабораторию. Здесь не было никаких чанов, только небольшие стеклянные подносы, похожие на аквариумы. Д'Агоста подошел к одному из них и пригляделся. Внутри находилось что-то похожее на большую дохлую крысу. Она кишела черными жуками, которые деловито пожирали плоть. Д'Агоста даже слышал, как работают их челюсти. Выругавшись вполголоса, он отошел назад. Его завтрак опасно зашевелился в желудке.

– Жуки-кожееды, – пояснил Сандовал. – Хищники. Так мы отделяем мясо от костей у малых экземпляров. Остается хорошо сочлененный скелет.

– Сочлененный? – сдавленным голосом переспросил д'Агоста.

– Понимаете, при использовании других методов приходится скреплять суставы, устанавливая их на металлические рамки для экспонирования или обследования. Жуки были на попечении Марсалы, он проверял поступающие экземпляры. Он и обезжиривание проводил.

Д'Агоста не стал спрашивать, но Сандовал все равно объяснил:

– Когда от экспоната остаются одни кости, их погружают в бензол. Выдерживание в бензоле придает им белый цвет, растворяет липиды, устраняет запах.

Они вернулись в коридор.

– Вот это и были его основные обязанности, – сказал Сандовал. – Но, как я вам уже сказал, Марсала был настоящим волшебником в том, что касается воссоздания скелетов. Поэтому его часто просили восстановить сочленения.

– Понятно.

– Да и кабинет Марсалы находился в восстановительной лаборатории.

– Пожалуйста, проводите меня туда.

Сандовал снова высморкался и пошел по коридору, казавшемуся бесконечным.

– Здесь некоторые коллекции остеологического отдела, – сказал он, показывая на двери. – Коллекции костей, организованные по таксономическому⁴ принципу. А здесь – антропологические коллекции.

– И что они собой представляют?

– Захоронения, мумии и «приготовленные скелеты» – мертвые тела, собранные антропологами, нередко на полях боев во время Индейских войн, и привезенные в музей. Этакое утраченное искусство. В последние годы мы были вынуждены вернуть многие из них заинтересованным племенам.

Д’Агоста заглянул в открытую дверь. Он увидел там многочисленные ряды шкафов с рифлеными стеклами, в которых имелось бессчетное множество выдвижных полок, каждая с биркой.

Пройдя еще с десяток таких хранилищ, Сандовал зашел в лабораторию, уставленную верстаками и рабочими столами со сланцевыми столешницами. Запах здесь был слабее. На верстаках стояли на металлических рамах скелеты различных животных в разной степени готовности. Несколько столов были задвинуты к дальней стене, на них стояли компьютеры, лежали разнообразные инструменты.

– Вот это стол Марсалы, – показал Сандовал.

– У него была подружка? – спросил д’Агоста.

– Мне об этом не известно.

– А чем он занимался в свободное время?

Сандовал пожал плечами:

– Он не рассказывал. Он был довольно закрытый человек. Эта лаборатория фактически стала его домом – он оставался и внеурочно. Мне казалось, что у него не было личной жизни.

– Вы говорите, что он был человек колючий, неуживчивый. Он вступал с кем-нибудь в серьезный конфликт?

– Да он вечно с кем-то бранился.

– А ничего такого, что бы вам запомнилось?

Сандовал задумался. Д’Агоста ждал с блокнотом в руке.

– Было одно, – сказал наконец Сандовал. – Месяца два назад. Тогда хранитель маммологического отдела привез из Гималаев несколько экземпляров чрезвычайно редких, почти вымерших летучих мышей. Марсала поместил их в емкость с кожеедами. А потом... испортил. Не проверял их с той частотой, какая требовалась. Это совсем не похоже на Марсалу, но у него в то время было на уме что-то другое. Если экспонат вовремя не вынуть из емкости, то он будет уничтожен. Голодные жуки выгрызают сухожилия, и кости выходят из суставов. А потом жуки принимаются за сами кости. Именно это и случилось с летучими мышами. Тот хранитель – а он немного чокнутый, как и все хранители, – пошел вразнос. Наговорил Марсале всяких гадостей в присутствии всего отдела. Марсала был вне себя, но ничего не мог возразить, ведь он сам был виноват.

– Как зовут этого хранителя?

– Брикстон. Ричард Брикстон.

Д’Агоста записал фамилию.

---

⁴ *Таксономия* – общая теория классификации и систематизации сложных систем в различных областях знаний: в биологии, лингвистике, географии, программировании.

– Вы сказали, что у Марсалы в то время было на уме что-то другое. Не знаете, что бы это могло быть?

Сандовал задумался:

– Примерно тогда же он начал работать с одним командированным ученым.

– Это редкое событие?

– Напротив, очень частое. – Сандовал указал на дверь по другую сторону коридора. – Вон там командированные обследуют кости. Они постоянно приезжают и уезжают. Мы принимаем ученых со всего света. Марсала обычно с ними не работал, хотя это объяснялось только его характером, и ничем другим. Тот ученый был первым, с кем он сотрудничал в этом году.

– Марсала не говорил, что это было за исследование?

– Нет. Но в то время он казался очень довольным собой. Словно ждал награды или чего-то подобного.

– Вы не помните имя этого ученого?

Сандовал поскреб голову.

– Кажется, Уолтон. А может, Уолдрон. Они должны регистрироваться по прибытии и убытию, получать сертификат. Фрисби ведет список. Вы сможете у него уточнить.

Д'Агоста оглядел помещение:

– Больше мне ничего не надо знать о Марсале? Чего-то необычного, странного, идущего вразрез с его характером?

– Нет. – Сандовал шумно высморкался.

– Его тело было найдено в уголке брюхоногих в зале морской жизни. Как вы думаете, по какой причине он мог оказаться в данном отделе музея?

– Он никогда там не бывал. Кости и эта лаборатория были единственным, что его интересовало. Это даже не по дороге сюда.

Д'Агоста сделал очередную запись.

– Еще какие-нибудь вопросы? – спросил Сандовал.

Д'Агоста взглянул на часы:

– Где я могу найти Фрисби?

– Я вас провожу.

Д'Агоста последовал за ним из лаборатории в коридор, а оттуда – назад, в самую вонючую часть остеологического отдела.

8

Доктор Финистер Пейден отступил назад от дифракционной рентгеновской установки и тут же наткнулся на что-то, что показалось ему колонной, завернутой в черную материю. Он отпрянул с резким протестующим криком и обнаружил, что стоит перед высоким человеком в черном костюме, который каким-то образом материализовался у него за спиной и, вероятно, стоял в нескольких дюймах от него, пока он работал.

– Какого черта? – свирепо проговорил Пейден, дрожа от негодования всей своей невысокой упитанной фигурой. – Кто вас сюда впустил? Это мой кабинет!

Человек никак не прореагировал, он продолжал смотреть на Пейдена. Глаза незнакомца были цвета белого топаза, а лицо столь тонко вылеплено, что вполне могло принадлежать резцу Микеланджело.

– Послушайте, кто вы такой? – спросил Пейден, вновь обретая самообладание, присущее куратору. – Я пытаюсь закончить работу и не могу позволить, чтобы мне мешали.

– Прошу прощения, – произнес человек умиротворяющим тоном и отступил на шаг.

– Что ж, я тоже прошу прощения, – сказал, смягчившись, Пейден. – Но это и в самом деле вторжение. А где ваш беджик посетителя?

Человек извлек из кармана бумажник коричневой кожи.

– Это не беджик!

Бумажник раскрылся, явив свету ослепительное сияние золота и синевы.

– О, – сказал Пейден, присмотревшись. – ФБР? Господи боже!

– Меня зовут Пендергаст. Специальный агент А. К. Л. Пендергаст. Вы позволите присесть?

Пейден сглотнул:

– Прошу вас.

С изящным поклоном человек уселся на единственный, кроме стула Пейдена, стул в кабинете и закинул ногу на ногу, словно готовясь к долгому разговору.

– Это касается убийства? – выпалил Пейден. – Но ведь меня даже не было в музее, когда это случилось. Я ничего об этом не знаю, никогда не встречал убитого. А главное, меня не интересуют брюхоногие. За двадцать лет работы здесь я никогда не был в том зале, ни разу. Так что если вы...

Его голос замер, когда посетитель медленно поднял изящную руку.

– Речь пойдет не об убийстве. Вы не присядете, доктор Пейден? Ведь это же ваш кабинет.

Пейден настороженно уселся за свой стол, сложил руки на груди и тут же опустил их, спрашивая себя, с чем связан этот визит, почему служба безопасности музея не поставила его в известность и следует ли ему отвечать на вопросы или лучше позвать адвоката. Правда, адвоката у него не было.

– Я искренне хочу извиниться за это неожиданное вторжение. У меня есть одна проблема, и я попросил бы вас помочь мне в ее решении... конечно, неофициально.

– Сделаю, что смогу.

Человек протянул к нему сжатую в кулак руку. Он медленно разжал ее жестом фокусника, и на его ладони оказался синий камень. Пейден, обрадованный тем, что речь идет всего лишь об идентификации, взял камень и пригляделся к нему.

– Бирюза, – сказал он, вертя камень в пальцах. – Обработанная. – Он взял со стола лупу, вставил в глазницу и рассмотрел камень в увеличении. – Похоже, что это естественный камень, не стабилизированный и определенно не реконструированный, промасленный или вощенный. Превосходный образец, необычный по цвету и структуре. Очень необычный. Я бы сказал, что он стоит немалых денег, возможно, больше тысячи долларов.

– А что делает его таким ценным?

– Цвет. Бирюза по большей части имеет небесно-голубой цвет, нередко с зеленоватым оттенком. Но этот камень необыкновенно темный, темно-синий, почти фиолетовый. А это вкупе с сетчатыми золотыми прожилками – очень большая редкость. – Он вытащил лупу из глазницы и вернул камень агенту ФБР. – Надеюсь, эта информация вам полезна.

– Весьма полезна, – раздался вкрадчивый ответ, – но я надеялся, что вы, возможно, скажете мне о происхождении камня.

Пейден снова взял камень и на этот раз рассматривал его дольше.

– Могу определенно сказать, что это не Иран. Предположительно, это Америка, Юго-Запад. Поразительная темно-синяя окраска с золотой паутиной. Я бы сказал, что этот камень из Невады. Другие возможные места – Аризона или Колорадо.

– Доктор Пейден, мне сказали, что вы – один из самых крупных знатоков бирюзы в мире. И теперь я вижу, что меня не обманули.

Пейден слегка кивнул. Он не ожидал встретить в силовых органах человека столь проникательного и любезного, как этот мужчина.

– Но дело в том, доктор Пейден, что мне необходимо знать, из какой именно шахты этот камень.

Говоря это, бледнолицый агент ФБР очень пристально смотрел на Пейдена. Ученый провёл рукой по плешивой макушке:

– Ну что ж, мистер... мм... Пендергаст, это уже совсем другая задача.

– Почему же?

– Если я не могу опознать шахту после первоначального визуального осмотра – а в данном случае я не могу это сделать, – то требуется опробование образца. Понимаете ли... – и тут Пейден оседлал своего любимого конька, – бирюза представляет собой водный фосфат меди и алюминия, который образуется в результате инфильтрации воды сквозь множество пустот в породе обычно вулканического происхождения. Вода несет в себе среди прочего растворенные сульфиды меди и фосфора, которые осаждаются в порах в виде бирюзы. Бирюза с юго-запада почти всегда встречается там, где имеются отложения сульфидов меди в полевом шпате, имеющем порфиоровые интрузии. Там могут также содержаться лимонит, пириты и другие окислы железа. – Он поднялся и, быстро передвигаясь на коротких ногах, подошел к массивному шкафу, наклонился и вытащил ящик. – Вот здесь небольшая, но превосходная коллекция бирюзы, все образцы добыты на доисторических шахтах. Мы помогли археологам опознавать источник происхождения доисторических артефактов из бирюзы. Посмотрите.

Пейден движением руки подозвал агента, взял у него бирюзовый камешек и быстро сравнил с другими в ящике.

– Я не вижу у себя ничего похожего, но бирюза внешне может отличаться даже в разных частях шахты. А это всего лишь маленький образец. Вот взгляните на этот камень из Серриллоса, шахта находится близ Санта-Фе. А этот редкий образец найден на знаменитом доисторическом месте, известном как гора Чалчихуитл. Он цвета слоновой кости, с бледно-известковыми включениями и имеет огромную историческую ценность, хотя качество камня не очень высокое. А здесь у нас образцы доисторической бирюзы из Невады...

– Очень интересно, – ровным голосом сказал Пендергаст, пресекая поток слов. – Вы говорили об опробовании. Какое опробование требуется?

Пейден откашлялся. Ему не раз говорили, что его иногда заносит.

– Мне придется сделать анализ вашего камня – и бирюзы, и включений, – используя разные средства. Начну с анализа методом рентгеновского излучения, индуцированного потоком протонов, в этом случае камень в вакууме бомбардируется высокоскоростными протонами и возникает эмиссия рентгеновских лучей, которую мы и анализируем. К счастью, у нас здесь,

в музее, превосходная минералогическая лаборатория. Хотите посмотреть? – Он взглянул на Пендергаста, сияя улыбкой.

– Нет, спасибо, – ответил Пендергаст. – Но я рад, что вы готовы проделать эту работу.

– Конечно же! Это моя профессия. Конечно, я делаю это главным образом для археологов, но для ФБР... рад буду вам помочь, мистер Пендергаст.

– Я чуть не забыл сказать вам об одной маленькой проблеме.

– А именно?

– Результаты необходимы мне завтра к полудню.

– Что? Это невозможно. На это уйдут недели. Минимум месяц!

Долгая пауза.

– Но есть ли у вас *физическая возможность* завершить анализ к завтрашнему дню?

Пейден почувствовал, как у него покалывает кожу на черепе. Он уже вовсе не был уверен, что этот человек так обходителен и покладист, как это показалось вначале.

– Что ж. – Пейден откашлялся. – Думаю, физически возможно получить некоторые предварительные результаты. Но для этого потребуются работать без остановки следующие двадцать часов. И даже в этом случае успех не гарантирован.

– Почему?

– Все будет зависеть от того, опробовали ли этот конкретный вид бирюзы прежде и имеется ли его химическая сигнатура в базе данных. Понимаете, я анализировал много образцов бирюзы для археологов. Это помогает им определить торговые пути и прочее. Но если этот образец происходит из какой-нибудь новой шахты, то возможно, что мы никогда не опробовали этот вид бирюзы.

Молчание.

– Могу я попросить вас, доктор Пейден, взяться за эту работу?

Пейден снова погладил плешь:

– Вы просите меня следующие двадцать часов работать над вашей проблемой?

– Да.

– У меня жена и дети, мистер Пендергаст! Сегодня воскресенье, я вообще здесь случайно оказался. И я далеко не молод.

Агент впитал эту информацию. Затем медленным, плавным движением он извлек из кармана какой-то предмет, зажав его в кулаке. Протянул руку и раскрыл пальцы. На его ладони лежал небольшой сверкающий красновато-коричневый обработанный камешек размером около карата. Пейден инстинктивно взял камень, вставил в глаз лупу, осмотрел его с разных сторон.

– Ой-ой. Ой-ой-ой. Сильнейший плеохроизм...⁵

Он схватил со стола небольшую ультрафиолетовую лампу и включил ее. Камень тут же поменял окраску, засиял ярким зеленым цветом.

Пейден посмотрел на Пендергаста широко раскрытыми глазами:

– Пейнит⁶.

Агент ФБР кивнул:

– Я не обманулся, считая вас первоклассным минералогом.

– Скажите, бога ради, где вы его взяли?

– Мой прадед собирал всякие диковинки, которые я унаследовал вместе с его домом. Я взял это из его коллекции. Если вы сделаете для меня работу, о которой мы говорили, камень ваш.

---

⁵ *Плеохроизм* – способность некоторых кристаллов приобретать различную окраску в зависимости от освещения.

⁶ *Пейнит* – очень редкий минерал, получивший название в честь своего первооткрывателя, британского минералога Артура Пейна.

– Но этот камень стоит... милостивый господи, я даже приближенно боюсь назвать цену. Пейнит – один из редчайших драгоценных камней.

– Мой дорогой доктор Пейден, для меня сведения о том, из какой шахты добыта эта бирюза, гораздо ценнее этого камня. Итак, вы можете сделать то, о чем я прошу? И, – сухо добавил он, – уверены ли вы, что ваши жена и дети не будут возражать?

Но Пейден уже поднялся на ноги и поместил бирюзовый камешек в полиэтиленовый пакетик на молнии, мысленно перебирая, какие химические и минералогические тесты ему придется провести.

– Возражать? – бросил он через плечо, удаляясь в святая святых своей лаборатории. – Да кого это волнует!

9

Трижды повернув не в ту сторону и дважды остановившись, чтобы узнать направление, лейтенант д'Агоста наконец выбрался из лабиринта остеологического отдела и оказался на первом этаже. Он медленно двинулся к выходу через Большую ротонду, глубоко погруженный в свои мысли. Его встреча со старшим хранителем Моррисом Фрисби оказалась пустой тратой времени. Ни один из последующих допросов также не пролил света на убийство. Д'Агоста так и не сумел выяснить, как преступнику удалось выйти из музея.

Он бродил по музею с самого утра, и теперь у него болели ноги и поясница. Это все больше начинало походить на типичное нью-йоркское убийство, случайное и бессмысленное; расследовать такие – чистый геморрой. Ни одна из сегодняшних ниточек никуда его не вывела. В сухом остатке получалось, что Виктор Марсала был неприятным человеком, но хорошим работником. Ни у кого в музее не было оснований его убивать. Единственный возможный подозреваемый – Брикстон, специалист по летучим мышам, поссорившийся с Марсалай двумя месяцами ранее, – во время убийства был за границей. И потом, ботаники такого рода никогда не бывают убийцами. Члены команды д'Агосты уже допрашивали соседей Марсалы в Санни-сайде в Куинсе. Все отзывались о нем как о тихом холостяке, который держался особняком. Никаких подружек. Никаких вечеринок. Никаких наркотиков. И вполне вероятно, никаких друзей, кроме разве что Сандовала, лаборанта из остеологического отдела. Родители жили в Миссури, сына много лет не видели. Тело было найдено в темном, редко посещаемом уголке музея, пропали бумажник, часы и карманные деньги. Д'Агоста почти не сомневался, что это очередное ограбление, которое пошло по плохому сценарию. Марсала оказал сопротивление, а безмозглый преступник запаниковал, убил его и утащил тело в нишу.

Дело усложнялось тем, что у следствия не было недостатка в вещественных доказательствах, – если уж на то пошло, д'Агоста и его люди просто тонули во всем этом. На месте преступления была целая гора волосков, волокон, отпечатков. Тысячи людей прошли по этому залу с тех пор, как здесь в последний раз производилась тщательная уборка (включая протирку шкафов), и оставили повсюду свои жирные следы. Двое детективов просматривали видеозаписи с камер наблюдения музея, но пока ничего подозрительного не обнаружили. Тем вечером на работе задержалось более двухсот сотрудников – и это называется уик-энд! Д'Агоста теперь видел все очень ясно: еще неделю-другую он будет биться головой о стену, расследуя это дело, тратить время на бесплодные гипотезы. Потом дело будет сдано в архив и перейдет в категорию висяков – еще одно паршивое нераскрытое убийство с мегабайтами расшифрованных допросов, цифровых фотографий и различных анализов, которые будут плескаться в базе данных нью-йоркской полиции, как грязная вода у пирса, не имея другой цели, кроме как уменьшить процент раскрываемости по отделу.

Он ускорил шаг, направляясь к выходу, и тут заметил знакомую высокую фигуру: агент Пендергаст шагал по мраморному полу ротонды так быстро, что его черный костюм ходил ходуном.

Д'Агоста удивился, встретив его здесь, в музее. Он не видел Пендергаста со времени частного обеда, который дал агент ФБР за месяц до того, как д'Агоста отпраздновал свою свадьбу. Еда и вино были самыми изысканными. Пендергаст готовил все сам с помощью своей домохозяйки из Японии. Еда была просто невероятная... По крайней мере, до тех пор, пока Лора, жена д'Агосты, на следующее утро не прочла меню и они не поняли, что среди прочего ели суп из рыбьих губ и кишок (Sup Bibir Ikan) и коровий желудок, кипяченный с беконом в коньяке и белом вине (Tripes à la Mode de Caen). Но лучшее, что было на этом обеде, – сам Пендергаст. Он пришел в себя после трагедии, которая случилась с ним полтора года назад, и вернулся после восстановительной поездки на лыжный курорт в Колорадо; его смертельная

бледность и невероятная худоба остались в прошлом, и теперь он физически и эмоционально пришел в норму, по крайней мере в своей обычной сдержанной манере.

– Привет, Пендергаст! – Д’Агоста поспешил через ротонду и ухватил его за руку.

– Винсент. – Бледные глаза Пендергаста на секунду задержались на д’Агосте. – Как я рад снова вас видеть.

– Хотел еще раз поблагодарить вас за обед. Вы превзошли самого себя. И для нас это было важно. Для нас обоих.

Пендергаст кивнул с отсутствующим видом и обвел взглядом ротонду. Его мысли явно были чем-то заняты.

– Что вы здесь делаете? – спросил д’Агоста.

– Консультировался... с одним хранителем коллекции.

– Забавно. Я делал то же самое. – Д’Агоста рассмеялся. – Как в прежние времена, да?

Однако Пендергасту это не показалось забавным.

– Послушайте, что, если я попрошу вас об услуге?

Ответом на это был неопределенный, уклончивый взгляд.

Д’Агоста храбро продолжил:

– Не успел я вернуться из медового месяца, как Синглтон повесил на меня это убийство. Вчера вечером был найден мертвым лаборант остеологического отдела – убит ударом по голове, тело спрятали в темном углу. Похоже на ограбление, которое переросло в убийство. У вас чутье на такие вещи, вот я и подумал, может, вы поделитесь соображениями, посмотрите...

На протяжении этой речи Пендергаст становился все более беспокойным. Наконец он взглянул на д’Агосту с таким выражением, что тот замолчал на полуслове.

– Извините, мой дорогой Винсент, но боюсь, что в настоящий момент у меня нет ни времени, ни желания обсуждать с вами какое-то дело. Всего доброго.

Он едва заметно кивнул и направился к выходу из музея.

10

В глубинах величественного, в стиле немецкого ренессанса, здания «Дакоты»⁷, в конце ряда из трех соединенных и совершенно обособленных от остальной части дома апартаментов, за выдвинутой перегородкой из дерева и рисовой бумаги находился учи-роджи – внутренний сад японского чайного дома. Между карликовых вечнозеленых деревьев петляла дорожка, выложенная плоскими камнями. В воздухе стоял запах эвкалипта, слышалось чириканье невидимых птиц. Чуть дальше располагался сам чайный домик, маленький и безукоризненный, едва видимый в импровизированном вечернем свете.

Этот практически мираж – частный сад, миниатюрный и изящный, в твердыне огромного жилого здания на Манхэттене – был создан агентом Пендергастом как место для медитаций и восстановления душевных сил. Теперь он сидел на резной скамье дерева кейаки, чуть в стороне от тропинки и перед крохотным прудом с золотыми рыбками. Оставаясь неподвижным, он глядел на темную воду, где хаотично плавали оранжево-белые рыбки, похожие на тени.

Обычно это святилище дарило Пендергасту отдохновение от мирских забот или хотя бы временное забвение. Но в этот день он не находил здесь покоя.

Из кармана его пиджака донеслось верещание сотового телефона, номер которого был известен менее чем десятку человек. На дисплее высветилось: «Номер неизвестен».

– Слушаю.

– Агент Пендергаст...

Это был все тот же суховатый голос безымянного оперативника из ЦРУ, с которым он встречался в тире два дня назад. При их прошлых контактах в голосе человека слышалась легкая ирония, некая отстраненность от повседневных мирских забот. Сегодня этой иронии Пендергаст не почувствовал.

– Слушаю, – повторил он.

– Я звоню, так как знаю, что вы предпочитаете получать дурные новости скорее раньше, чем позже.

Пальцы Пендергаста чуть крепче сжали телефон.

– Продолжайте.

– Плохие новости в том, что у меня нет никаких новостей.

– Понятно.

– Я привлек довольно серьезные ресурсы, израсходовал немало денег и просил об оказании услуг как в стране, так и за границей. Я рисковал засветить нескольких оперативников под прикрытием, попросив их разузнать, не скрывают ли некоторые зарубежные правительства информацию, касающуюся операции «Лесной пожар». Но я остался с пустыми руками. Никаких свидетельств того, что Альбан когда-либо всплывал в Бразилии или какой-то другой стране. Никаких сведений о его въезде в Штаты – я попросил таможду и Министерство внутренней безопасности, они подключили к этому свои серверные парки с программой распознавания лиц, но все безрезультатно. Ни намек на какую-либо полезную информацию ни в федеральных, ни в местных силовых структурах.

Пендергаст выслушал это без комментариев.

– Конечно, что-то еще может всплыть на поверхность, какая-нибудь крупница из неожиданного источника, какая-то пропущенная нами база данных. Но весь стандартный – и не только стандартный – набор я уже исчерпал.

И опять Пендергаст ничего не сказал.

---

⁷ «Дакота» – известное элитное жилое здание, находящееся на Манхэттене в Нью-Йорке.

– Мне очень жаль, – произнес голос в трубке. – Ситуация довольно... унижительная. В моей работе, имея в своем распоряжении такие инструменты, привыкаешь к успехам. Боюсь, что я был слишком самоуверенным при нашей последней встрече, возбудил у вас надежды.

– Не стоит извиняться, – ответил Пендергаст. – Мои надежды ничуть не возбудились. Альбан был чудовищем.

После короткой паузы человек заговорил снова:

– Возможно, вам будет интересно узнать. Лейтенант Энглер из нью-йоркской полиции ведет расследование убийства вашего сына... Я просмотрел внутренние полицейские документы. Он определенно проявляет к вам интерес.

– В самом деле?

– Ваше нежелание сотрудничать со следствием и ваше поведение вызвало у него любопытство. Как и ваше появление на вскрытии. И ваш интерес к камешку бирюзы. Насколько мне известно, вы убедили полицию дать вам его на время и уже просрочили срок возврата. У вас могут возникнуть проблемы с Энглером.

– Спасибо за совет.

– Не за что. И еще раз: мне жаль, что я больше ничего не могу для вас сделать. Если вам еще понадобится моя помощь, звоните по основному номеру в Лэнгли⁸ и попросите соединить вас с сектором Y. Я же со своей стороны буду вас информировать, если статус дела изменится.

На линии воцарилось молчание.

Пендергаст посидел несколько мгновений, глядя на сотовый. Потом убрал его в карман, встал и по каменной дорожке вышел из садика.

В большой кухне апартаментов экономка Пендергаста, Киоко Ишимура, нарезала лук-шалот. Она оглянулась на проходящего мимо агента ФБР и экономными жестами глухого человека показала, что у него на автоответчике сообщение. Пендергаст благодарно кивнул и прошел дальше по коридору в свой кабинет, где взял трубку и, не садясь за стол, прослушал сообщение.

– Гм, мистер Пендергаст, – раздался торопливый сипловатый голос доктора Пейдена, минералога из музея. – Я провел анализ камня, который вы оставили мне вчера. Применялся метод рентгеновской дифракции, светлопольной микроскопии, флуоресцентного, поляризационного диакопического и эпископического освещения и ряд других. Определенно можно сказать, что это естественная бирюза, твердость 6, индекс рефракции 1,614, удельный вес около 2,87. И, как я уже сказал раньше, нет никаких свидетельств стабилизации или реконструирования. Однако образец обладает некоторыми своеобразными свойствами. Крайне необычная зернистость. Я никогда не видел такого полупросветления в большой паутинчатой матрице. И цвет... в широко известных шахтах таких камней не находили, и в базе данных нет такой химической сигнатуры... Короче говоря, я боюсь, что это редкий образец из небольшой шахты и идентифицировать его весьма затруднительно, потребуются больше времени, чем я предполагал, вероятно, гораздо больше, так что я надеюсь, вы проявите терпение и не будете требовать возвращения пейнита, пока я...

Пендергаст не стал дослушивать сообщение до конца. Он стер его, нажав пальцем кнопку, и повесил трубку. Только после этого он сел за стол, упер локти в полированную поверхность, положил подбородок на сцепленные пальцы и невидящим взглядом уставился в пространство перед собой.

Констанс Грин сидела в музыкальной комнате особняка на Риверсайд-драйв и тихо играла на клавесине. Инструмент был замечательный, изготовленный в Антверпене в начале

---

⁸ *Лэнгли* – название населенного пункта, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

1650-х годов знаменитым Андреасом Рюккерсом II⁹. Корпус клавесина из великолепной древесины имел золоченые кромки, а на нижней части крышки была написана пасторальная сцена с нимфами и сатирами, развлекающимися на зеленой поляне.

Сам Пендергаст мало интересовался музыкой. Но поскольку вкус Констанс был в основном ограничен барокко и ранним классическим периодом, она была настоящим виртуозом игры на клавесине, и Пендергаст с удовольствием приобрел для нее лучший из имеющихся в продаже инструментов того периода. Если не считать клавесина, комната была обставлена просто и со вкусом. На полу – персидский ковер, рядом разместились два кресла с потертой кожей, а по обе стороны от инструмента – одинаковые лампы от Тиффани. Вдоль одной стены стоял встроенный книжный шкаф с оригинальными изданиями произведений композиторов XVII–XVIII веков. На противоположной стене висели шесть рамок с голографическими изображениями выцветших нотных страниц, написанных рукой Телемана, Скарлатти, Генделя и других великих композиторов.

Нередко Пендергаст, как призрак, проскальзывал сюда, садился в кресло и слушал, как играет Констанс. Сегодня Констанс подняла глаза и увидела, что он стоит в дверном проеме. Она выгнула брови, словно спрашивая, перестать ей играть или нет, но он только отрицательно покачал головой. Она продолжила играть Прелюдию № 2 до минор из «Хорошо темперированного клавира» Баха. Пока Констанс без всяких усилий исполняла эту короткую вещь, коварно быструю и технически трудную, Пендергаст, вместо того чтобы сесть на свое привычное место, принялся бесцельно бродить по комнате, вынимая то одну, то другую нотную тетрадь из шкафа и неторопливо листая. И лишь когда она закончила, он подошел к одному из кожаных кресел и сел.

– Ты прекрасно играешь эту вещь, Констанс, – сказал он.

– Девяносто лет ученичества способствуют улучшению техники, – ответила она с едва заметной улыбкой. – Какие новости о Прокторе?

– Он поправится. Его уже перевели из реанимации. Но ему придется провести еще несколько недель в больнице, а потом месяц или два на реабилитации.

В комнате воцарилось молчание. Наконец Констанс поднялась из-за клавесина и села в кресло напротив Пендергаста.

– Ты переживаешь, – сказала она.

Пендергаст хранил молчание.

– Естественно, это все из-за Альбана. Ты ни слова не произнес с того вечера. Как у тебя дела?

Поскольку Пендергаст так ничего и не сказал, продолжая неторопливо листать нотную тетрадь, Констанс тоже замолчала. Она, как никто другой, знала, что Пендергаст очень не любит говорить о своих переживаниях. Но она инстинктивно чувствовала, что он пришел к ней за советом. И потому просто ждала.

Наконец Пендергаст закрыл ноты.

– Я испытываю такие эмоции, каких не пожелал бы ни одному отцу. Это не скорбь. Сожаление – может быть. А кроме того, я испытываю облегчение. Облегчение оттого, что мир избавлен от Альбана и его болезни.

– Я понимаю. Но... он ведь был твоим сыном.

Пендергаст резко отшвырнул ноты в сторону, встал и принялся расхаживать по ковро.

– Однако самое сильное мое чувство – недоумение. Как они проделали это? Как они захватили и убили его? Если Альбан что и умел, так это выживать. А с его особыми талантами... потребовались невероятные усилия, расходы и планирование, чтобы до него добраться. Я никогда не сталкивался с таким безукоризненно совершенным преступлением, после кото-

---

⁹ Рюккерс – династия фламандских мастеров клавишных инструментов в конце XVI–XVII веке.

рого остались лишь те следы, что хотел оставить преступник. И больше ничего. А самое главное, зачем? Какое послание они хотели отправить мне?

– Признаюсь, я в таком же недоумении, как и ты. – Констанс помолчала. – Твои расследования дали какой-нибудь результат?

– Единственное, что удалось найти, – это бирюзовый камешек в желудке Альбана. Да и тот не поддается идентификации. Мне звонил доктор Пейден, минералог из Музея естественной истории. Он, похоже, не уверен в успехе.

Констанс не отрывала глаз от агента ФБР, который продолжал расхаживать по комнате.

– Ты не должен так переживать, – сказала она наконец вполголоса.

Он пренебрежительно махнул рукой.

– Тебе нужно заняться новым делом. Наверняка есть множество нераскрытых убийств, которые только и ждут твоего участия.

– Идиотских убийств совершается сколько угодно, они не стоят умственных усилий. С какой стати я буду утруждать себя?

Констанс продолжала смотреть на него:

– Посмотри на это как на способ отвлечься. Порой ничто не доставляет мне такого наслаждения, как сыграть какую-нибудь простенькую вещицу, написанную для начинающих. Мысли после этого становятся яснее.

Пендергаст повернулся к ней:

– Зачем расходовать время на пустяки, когда передо мной стоит великая тайна убийства Альбана? Кто-то, наделенный выдающимися способностями, пытается втянуть меня в некую злую игру его собственного изобретения. Я не знаю ни моего противника, ни названия игры... даже правил не знаю.

– Именно поэтому ты и должен заняться чем-то другим, абсолютно непохожим на это, – возразила Констанс. – В ожидании следующего поворота дела разреши какую-нибудь простенькую головоломку, какое-то банальное дело. Иначе... ты утратишь равновесие.

Последние пять слов были произнесены медленно и убежденно.

Пендергаст опустил взгляд:

– Ты, конечно, права.

– Я предлагаю это, потому что переживаю за тебя и знаю, каким одержимым и несчастным ты можешь стать из-за этого странного дела. Ты и без того достаточно настрадался.

Какое-то время Пендергаст оставался неподвижным. Потом медленно подошел к Констанс, наклонился, взял ее за подбородок и – к ее великому удивлению – нежно поцеловал.

– Ты мой оракул, – прошептал он.

11

Винсент д'Агоста сидел за столом в маленьком помещении, которое он объявил своим кабинетом в Нью-Йоркском музее естественной истории. Пришлось надавить как следует, чтобы администрация музея согласилась на это. Они неохотно выделили ему свободный бокс в глубинах остеологического отдела, который, слава богу, располагался вдали от вонючих мацерационных чанов.

В данный момент д'Агоста слушал, как один из его людей, детектив Хименес, подытоживает результаты просмотра записей с камер наблюдения в день убийства. Если одним словом, то голяк. Но д'Агоста делал вид, что внимательно слушает, он не хотел, чтобы Хименес считал, что его работа не оценивается по достоинству.

– Спасибо, Педро, – сказал д'Агоста, получив доклад в письменной форме.

– Что дальше? – спросил Хименес.

Д'Агоста посмотрел на часы: четверть пятого.

– Вы с Конклином на сегодня свободны, можете купить холодного пивка за мой счет. Завтра утром в десять у нас совещание по результатам проведенных работ.

Хименес улыбнулся:

– Спасибо, сэр.

Д'Агоста проводил взглядом удаляющуюся фигуру. Он и сам бы с удовольствием выпил с ребятами. Но у него еще были кое-какие дела. Вздохнув, он принялся быстро листать доклад Хименеса. Затем, отложив доклад в сторону, вытащил из портфеля планшетник и начал готовить собственный доклад – для капитана Синглтона.

Несмотря на все затраченные его командой усилия и два дня – более двухсот человеко-часов – следовательской работы, в деле об убийстве Виктора Марсалы не было найдено ничего, за что можно было бы зацепиться. Ни одного свидетеля. Ни одной записи в журналах охраны о чем-то необычном. Оставался без ответа самый главный вопрос: как этот чертов преступник выбрался из музея. Они бились над этим вопросом с самого начала.

Ни одна из огромного количества собранных улики не имела существенно важного значения. У коллег Марсалы не было мотива для его убийства, а у тех, у кого действительно были к нему претензии, оказалось железобетонное алиби. Его личная жизнь была скучной и законопослушной, как у какого-нибудь епископа. Д'Агоста воспринял как личное оскорбление тот факт, что капитан Синглтон после стольких лет работы всучил ему подобное дело.

Он начал составлять предварительный доклад для Синглтона. В нем он сообщал о принятых его группой шагах, о допрошенных свидетелях, о том, что удалось узнать из биографии Марсалы; приводил данные судмедэксперта и выездной криминалистической бригады, анализ записей с камер наблюдения и показания соответствующих охранников. Он писал, что дальнейший план действий, если Синглтон решит его одобрить, будет включать продолжение допросов и распространение их на других работников музея, не ограничиваясь остеологическим отделом. Это будет означать масштабные допросы, сличение показаний на предмет противоречий и проверку биографий работников, задержавшихся в тот вечер на работе... фактически, возможно, всех сотрудников музея, работали они в тот день или нет.

Д'Агоста предполагал, что Синглтон не одобрит этот план. Расходы рабочего времени, усилий и денежных средств были слишком велики с учетом малой вероятности раскрытия преступления. Нет, он, скорее всего, предложит вести следствие малыми силами и понизит приоритет этого дела. Со временем и уменьшенную бригаду тоже переведут на другое расследование. Такова судьба висяков.

Он закончил писать доклад, быстро перечитал его, переслал Синглтону и выключил планшетник. Затем поднял голову и вздрогнул от неожиданности, обнаружив, что на единственном стуле у его стола сидит агент Пендергаст. Д'Агоста не видел и не слышал, как тот появился.

– Господи Иисусе, – сказал д'Агоста и сделал глубокий вдох, чтобы быстрее прийти в себя. – Вы любите появляться неожиданно, верно?

– Признаю, мне это представляется забавным. Большинство людей похожи на морской огурец – понятия не имеют, что происходит вокруг них.

– Спасибо, я это оценил. Так что привело вас ко мне?

– Вы, мой дорогой Винсент.

Д'Агоста внимательно посмотрел на Пендергаста. Не далее как вчера он услышал о том, что сын Пендергаста убит, и задним числом понял, почему Пендергаст оборвал на полуслове их разговор в ротонде музея.

– Послушайте, – начал он, преодолевая неловкость, – я очень расстроился, узнав о том, что случилось. Когда я подошел к вам вчера, то и понятия не имел про вашего сына, я только только вернулся из свадебного путешествия и еще не успел погрузиться в дела...

Пендергаст поднял руку, и д'Агоста замолчал.

– Если кто и должен извиняться, так это я.

– Давайте забудем об этом.

– Тут требуется краткое объяснение. И тогда я буду считать, что эта тема исчерпана.

– Валяйте.

Пендергаст выпрямился на стуле:

– Винсент, вы знаете, что у меня есть сын Альбан. Он был настоящим социопатом. Я видел его полтора года назад, когда он исчез в бразильских джунглях, совершив серию убийств в отелях Нью-Йорка.

– Я ничего не слышал об этом.

– С тех пор он не появлялся... пока четыре дня назад его тело не подбросили мне на порог. Я понятия не имею, кто это сделал и как. Дело расследует лейтенант Энглер, и я боюсь, что он слабоват для этой задачи.

– Я его хорошо знаю. Он отличный детектив.

– Я не сомневаюсь в его компетентности, поэтому и попросил одного крупного айти-специалиста уничтожить данные по ДНК Убийцы из отеля в базе данных нью-йоркской полиции. Вы, вероятно, помните, что как-то раз сами представили доклад, в котором утверждали, что Альбан и Убийца из отеля – одно лицо. К счастью для меня, никто не воспринял этот доклад всерьез. Так или иначе, меня не устраивало, чтобы Энглер, проверив ДНК моего сына по базе данных, получил сенсационные данные.

– Господи Иисусе, я больше ничего не хочу слышать.

– В любом случае Энглер имеет дело с совершенно необычным убийцей, и ему не удастся найти преступника. Но это уже моя забота, а не ваша. И вот почему я здесь. Когда мы разговаривали в прошлый раз, вы сказали, что у вас есть дело, по которому вы хотели бы выслушать мой совет.

– Конечно. Но вас, вероятно, интересуют более важные вещи...

– Я буду рад отвлечься.

Д'Агоста уставился на агента ФБР. Тот был таким же мрачным, как всегда, но при этом абсолютно спокойным. Глаза, похожие на льдинки, холодно встретили его взгляд. Пендергаст был одним из самых необычных людей, каких знал д'Агоста, и одному богу было известно, что происходит в его голове.

– О'кей. Отлично. Только предупреждаю, дело самое рутинное.

Д'Агоста изложил подробности: обнаружение тела, особенности места преступления, куча вещдоков, ни один из которых не имеет отношения к делу, показания охранников, заяв-

ления хранителей и других сотрудников остеологического отдела. Пендергаст выслушал все это совершенно бесстрастно, разве что иногда моргал своими серебристыми глазами. Потом в боксе появилась чья-то тень, и глаза Пендергаста сместились в ту сторону.

Д'Агоста посмотрел через плечо, проследив за взглядом Пендергаста, и увидел высокую, мощную фигуру Морриса Фрисби, главы отдела. Встретившись с ним в первый раз, д'Агоста был немало удивлен: вопреки его ожиданиям, хранитель оказался не сутулым, близоруким книжным червем, а властным человеком, наводившим страх на персонал отдела. Д'Агоста и сам немного испугался. Фрисби был в дорогом костюме в тонкую полоску, в красном галстуке и говорил чеканным голосом нью-йоркского аристократа. Роста в нем было больше шести футов, и он сразу же занял главенствующее положение в крохотном помещении. Он перевел взгляд с д'Агосты на Пендергаста и обратно, излучая раздражение в связи с продолжающимся присутствием полиции в его владениях.

– Вы все еще здесь, – сказал он.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Дело пока не раскрыто, – ответил д'Агоста.

– И вряд ли будет раскрыто. Случайное преступление, совершенное кем-то посторонним. Марсала оказался в неудачном месте в неудачное время. Это убийство не имеет никакого отношения к остеологическому отделу. Насколько я понимаю, вы все время допрашиваете моих сотрудников, а у них большая рабочая нагрузка, важная работа на столах. Могу ли я надеяться, что в ближайшее время вы закончите расследование и позволите моим людям спокойно продолжать работу?

– Кто этот человек, лейтенант? – мягко спросил Пендергаст.

– Я доктор Моррис Фрисби, – отчеканил тот, повернувшись к Пендергасту. У него были темно-голубые глаза навывкате, и они сфокусировались на Пендергасте, словно прожектора. – Я старший хранитель антропологической секции.

– Ах да. Вы получили должность после довольно таинственного исчезновения Хьюго Мензиса, если я не ошибаюсь.

– А кто вы, позвольте узнать? Еще один полицейский в штатском?

Плавным движением Пендергаст извлек из кармана свое удостоверение и значок и помаhal ими перед Фрисби *à la distance*¹⁰.

Фрисби уставился на него:

– Какое отношение к этому имеет федеральная служба?

– Я здесь из чистого любопытства, – беззаботно сказал Пендергаст.

– Не жалеете себя на работе, полагаю. Как это мило. Может быть, вы скажете лейтенанту, чтобы он побыстрее сворачивал дело и перестал бесполезно нарушать ход работы отдела и расходовать деньги налогоплательщиков, уже не говоря о захвате нашего рабочего пространства?

Пендергаст улыбнулся:

– Мое праздное любопытство может привести к чему-то более официальному, если лейтенант решит, что его работе мешает назойливый, чванливый бюрократ. Это я, конечно, не о вас. Я говорю вообще.

Фрисби уставился на Пендергаста, его крупное лицо побагровело.

– Воспрепятствование осуществлению правосудия – это серьезная вещь, доктор Фрисби. По этой причине я очень рад был услышать от лейтенанта, что вы с готовностью сотрудничаете с ним и продолжите в том же духе.

Долгое мгновение Фрисби оставался неподвижен. Потом он повернулся на каблуках, собираясь уходить.

---

¹⁰ На расстоянии (*фр.*).

– Да, кстати, доктор Фрисби... – проговорил Пендергаст своим самым медоточивым тоном.

Фрисби не повернулся. Он просто остановился.

– Вы сможете продолжить это полезное сотрудничество, откопав имя и документы, удостоверяющие полномочия того командированного ученого, который недавно работал с Виктором Марсалою, и предоставив их моему уважаемому коллеге.

На этот раз Фрисби все же повернулся. Лицо его почти почернело от гнева. Он открыл рот, собираясь заговорить.

Но Пендергаст опередил его:

– Прежде чем вы скажете что-нибудь, доктор, позвольте задать вам вопрос. Вы знакомы с теорией игр?

Старший хранитель не ответил.

– Если знакомы, то вы знаете, что существует определенная разновидность игр, известных среди математиков и экономистов как игры с нулевой суммой. Эти игры имеют дело с ресурсами, объем которых не уменьшается и не увеличивается, они просто переходят от одного игрока к другому. С учетом вашего настоящего настроения, если вы теперь заговорите, то, боюсь, можете сказать что-нибудь неосторожное. Я бы счел необходимым возразить в ответ. В результате этого словесного обмена вы будете подавлены и унижены, а это – как утверждает теория игр – увеличит мое влияние и статус за ваш счет. Поэтому я предлагаю более благо-разумный образ действий: промолчите и отправляйтесь собирать информацию, о которой я упомянул. И сделайте это как можно скорее.

Пока Пендергаст говорил, на лице Фрисби медленно появлялось выражение, совершенно непохожее на то, что д'Агоста видел прежде. Старший хранитель ничего не сказал, только слегка качнулся, сначала назад, затем вперед, как ветка на ветру. Потом он едва заметно кивнул и исчез за углом.

– Очень меня обяжете! – прокричал Пендергаст вслед хранителю, наклонившись на стуле.

Д'Агоста молча наблюдал за происходящим.

– Вы так глубоко пнули его ботинком в задницу, что ему придется обедать обувным рожком.

– Я знаю, что у вас всегда найдется подходящее острое словечко.

– Боюсь, что вы нажили себе врага.

– У меня давний опыт работы с музеем. Тут есть определенная разновидность хранителей, которые ведут себя как средневековые феодалы в своих владениях. С такими людьми я не церемонюсь. Привычка дурная, но расстаться с ней очень трудно. – Он встал со стула. – А теперь мне бы очень хотелось поговорить с этим лаборантом-остеологом, о котором вы говорили. С Марком Сандовалом.

Д'Агоста поднялся на ноги:

– Я вас провожу.

12

Они нашли Сандовала в хранилище дальше по коридору. Он ходил от одного набитого костями шкафа к другому, открывал их, рассматривал содержимое, делал заметки. Нос у него все еще оставался красным, глаза слезились – летняя простуда оказалась привязчивой.

– Это специальный агент Пендергаст из ФБР, – сказал д'Агоста. – Он хочет задать вам несколько вопросов.

Сандовал нервно огляделся, словно опасаясь, что кто-то может их увидеть, может быть Фрисби.

– Здесь?

– Да, здесь, – подтвердил Пендергаст, оглядывая кабинет. – Очаровательное местечко. Сколько в этой комнате человеческих останков?

– Около двух тысяч, плюс-минус десяток-другой.

– И откуда они?

– Океания, Австралия и Новая Зеландия.

– А сколько во всей коллекции?

– Около пятнадцати тысяч, если считать вместе антропологическую и остеологическую коллекции.

– Мистер Сандовал, насколько я понимаю, одна из составляющих вашей работы – помощь командированным ученым.

– Вообще-то, это наша основная обязанность. Командированные здесь постоянно сменяют друг друга.

– Но в обязанности Виктора Марсала это не входило, хотя он и был лаборантом.

– У Вика был неподходящий характер. Иногда известные ученые бывают, как бы это сказать, людьми, трудными в общении... если не хуже.

– И в чем заключается ваша помощь им?

– Обычно командированные приезжают в музей, чтобы обследовать тот или иной экспонат или коллекцию. А мы – нечто вроде библиотекарей костей: подаем им экспонаты, ждем, когда они их обследуют, потом возвращаем на место.

– Библиотекарь костей – очень точное определение. Сколько командированных ученых может обслужить каждый из вас, ну, скажем, за один месяц?

– По-разному. От шести до десяти, наверное.

– От чего это зависит?

– От того, насколько сложны или велики их требования. Если приезжает командированный ученый с подробно расписанным списком требований, то вам, возможно, придется работать исключительно с ним несколько недель. А есть и такие, которые просто хотят взглянуть на какой-нибудь череп или бедро.

– Какая квалификация должна быть у этих командированных?

Сандовал пожал плечами:

– У них должен быть документ с места работы и обоснование плана исследований.

– А специальные документы, удостоверяющие их полномочия?

– Ничего конкретного. Рекомендательное письмо, официальный запрос на бланке университета, свидетельство о том, что они работают в данном университете или медицинском институте.

Пендергаст лениво поправил запонку:

– Насколько я понял, Марсала, хотя это и случилось нечасто, все же работал с одним командированным ученым два месяца назад.

Сандовал кивнул.

– И он говорил вам, что этот проект имеет для него особый интерес?

– Мм, да.

– А что он об этом говорил?

– Он вроде как намекал, что этот ученый ему как-то поможет.

– Марсала работал исключительно с этим ученым?

– Ну да.

– Каким же образом работа заезжего ученого могла повлиять на положение мистера Марсала, который считался специалистом по восстановлению костных соединений, но чья главная обязанность состояла в наблюдении за мацерационными чанами с жуками-кожеедами?

– Не знаю. Может быть, он планировал упомянуть Вика в статье, которую собирался опубликовать.

– С какой стати?

– В благодарность за его помощь. Костный библиотекарь – это работа вовсе не поднеси-подай. Иногда поступают очень необычные запросы, совершенно неконкретные, и тогда вам приходится прибегать к собственным специальным знаниям.

Д’Агоста слушал этот разговор со все возрастающим недоумением. Он предполагал, что Пендергаст займется криминальной стороной дела. Но агент ФБР, как обычно, отклонился от сути и задавал вопросы, никак напрямую не связанные с расследованием.

– Мистер Сандовал, вы не знаете, какие именно экспонаты обследовал этот ученый до своего отъезда?

– Нет.

– Сможете выяснить это для нас?

– Конечно.

– Отлично. – Пендергаст показал на дверь. – В таком случае, после вас, мистер Сандовал.

Выйдя из хранилища, они прошли по лабиринту коридоров к компьютерному терминалу в помещении, которое выглядело как главная лаборатория: пространство, заполненное столами и рабочими станциями, с несколькими наполовину собранными скелетами, разложенными на подстилках из зеленого сукна.

Д’Агоста и Пендергаст наклонились над Сандовалом, который уселся перед терминалом и вошел в базу данных остеологического и антропологического отделов музея. В лаборатории стояла тишина, нарушаемая лишь стуком по клавишам, пока Сандовал формулировал запрос. Потом зашуршал принтер, и Сандовал вытащил из него лист бумаги.

– Похоже, Марсала приносил этому ученому всего один экспонат, – сказал он. – Вот распечатка.

Д’Агоста наклонился ближе и стал читать вслух:

– Дата последнего запроса: двадцатое апреля. Готтентот¹¹, пол мужской, возраст приблизительно тридцать пять лет. Капская колония, бывший Восточный Грикваланд¹². Состояние: идеальное. Никаких обезображивающих повреждений. Причина смерти: дизентерия во время Седьмой пограничной войны¹³. Дата смерти: тысяча восемьсот восемьдесят девятый год. Привезен Н. Хатчинсом. Единица хранения: С-31234.

– Это, естественно, оригинальная запись, – сказал Сандовал. – Термин «готтентот» теперь считается унижительным. Правильное название – кой-коин.

---

¹¹ *Готтентоты* – этническая общность на юге Африки. Ныне населяют Южную и Центральную Намибию.

¹² *Капская колония* (от голландского *Каар де Goede Hoop* – мыс Доброй Надежды) – первая голландская переселенческая колония в Южной Африке (впоследствии город переименован в Кейптаун). *Восточный Грикваланд* – территория на северо-востоке Капского региона ЮАР.

¹³ *Пограничные («кафрские») войны* – установившееся в исторической литературе название войн между южноафриканскими кафрами и Капской колонией.

– Согласно этой записи, тело было прислано в музей в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году, – заметил Пендергаст. – Но если память мне не изменяет, то Седьмая пограничная война завершилась в конце тысяча восемьсот сороковых годов.

Сандовал хмыкнул и промычал что-то непонятное, прежде чем сказать:

– Возможно, тело перед доставкой в музей было эксгумировано.

В лаборатории снова повисло молчание.

– Подобная практика в прежние времена была обычной, – добавил Сандовал. – Откапывали могилы, чтобы получить нужный образец. Больше такого, конечно, не случается.

Пендергаст показал на номер хранения:

– Не могли бы мы увидеть этот экспонат?

Сандовал нахмурился:

– А зачем?

– Окажите любезность.

Снова пауза.

Пендергаст наклонил голову:

– Мне просто хотелось бы познакомиться с процессом: какова система хранения экспонатов, как вы их находите.

– Хорошо. Прощу за мной.

Сандовал нацарапал на клочке бумаги инвентарный номер, и они вышли следом за ним в центральный коридор, а потом – еще дальше в глубины отдела, в бесконечный лабиринт хранилищ. На поиски экспоната в старинных деревянных шкафах с медными ручками ушло некоторое время. Наконец Сандовал остановился перед нужным шкафом. Искомый инвентарный номер, нацарапанный от руки на потускневшей медной пластинке, был прикреплен к большому плоскому лотку на верхней угловой полке шкафа. Сандовал еще раз проверил номер и вытащил лоток. После чего отнес его в лабораторию и положил на чистый кусок зеленого сукна, затем подал д'Агосте и Пендергасту по паре тонких резиновых перчаток, надел перчатки сам и снял крышку с лотка.

Внутри в беспорядке лежали кости – ребра, позвоночник, множество других костей. Из лотка поднимался необычный запах. Д'Агоста сказал бы, что это запах мускуса, старых корней и нафталина со слабой примесью запаха разложения.

– Эти кости очень чистые, хотя и пролежали в земле сорок лет, – заметил он.

– Прежде скелеты перед поступлением в музей тщательно очищались, – пояснил Сандовал. – Тогда еще не понимали, что сама земля является важной частью экспоната и должна быть сохранена.

Пендергаст целую минуту смотрел в лоток, потом вытащил оттуда череп без челюсти. Он заглянул в пустые глазницы, и д'Агоста подумал: ни дать ни взять Гамлет у могилы Йорика.

– Интересно, – пробормотал Пендергаст. – Очень интересно. Спасибо, мистер Сандовал.

Он положил череп обратно, кивнул Сандовалу, давая понять, что разговор закончен и, сняв перчатки, пошел в сопровождении д'Агосты обратно по коридору, в землю живых.

13

Ресторан для высших чинов, более известный под аббревиатурой РВЧ, был расположен на предпоследнем этаже здания Уан-Полис-Плаза¹⁴. Именно там во время ланча собирался анклав из комиссара полиции, его заместителя и прочих верховных князей. Д'Агоста был в РВЧ один лишь раз – на торжественном ланче, когда он и два десятка других полицейских были произведены в лейтенанты, и если сам ресторан напоминал законсервированное во времени низкопробное заведение начала шестидесятых, то вид на Нижний Манхэттен из окон во всю стену был великолепен.

Д'Агоста, сидевший в ожидании в просторном аванзале перед РВЧ, размышлял об этом виде из окна. Он вглядывался в лица выходящих – не появится ли Глен Синглтон. Сегодня была третья среда месяца, в этот день высокое начальство приглашало на ланч всех капитанов, начальников отделов, и д'Агоста знал, что среди них будет Синглтон.

Неожиданно он и в самом деле увидел ухоженного, хорошо одетого Синглтона. Д'Агоста быстро протиснулся сквозь толпу и оказался рядом с капитаном.

– Винни?! – удивился Синглтон.

– Я слышал, вы хотели меня видеть, – сказал д'Агоста.

– Хотел. Но вовсе не обязательно было меня выискивать. Это могло и подождать.

Д'Агоста перед этим справлялся у секретаря Синглтона и узнал, что капитан весь день будет занят.

– Ничего страшного. Так зачем вы хотели меня видеть?

Они двигались в общем направлении к лифту, но Синглтон вдруг остановился.

– Я прочитал твой доклад по делу об убийстве Марсалы.

– И?..

– Отличная работа с учетом всех обстоятельств. Я решил поставить на дело вместо тебя Формозу, а тебе даю убийство на Семьдесят третьей улице. Ну, ты в курсе: бегунья трусцой оказала сопротивление грабителю, и он полоснул ее ножом по горлу. Дело, похоже, ясное. Есть несколько свидетелей и четкие данные медэкспертизы. Можешь забрать на это дело своих людей из музея.

Именно это д'Агоста и предполагал услышать. И именно поэтому он ждал Синглтона перед РВЧ – хотел перехватить капитана, прежде чем эту ситуацию уже невозможно будет развернуть. Формоза... один из самых молодых лейтенантов в полиции, у него еще молоко на губах не обсохло.

– Если вам все равно, сэр, – сказал он, – то я бы хотел остаться на деле Марсалы.

Синглтон нахмурился:

– Но твой отчет... Дело-то довольно глухое. Недостаток улик, отсутствие свидетелей...

За спиной у Синглтона д'Агоста увидел свою молодую жену Лору Хейворд, которая вышла из РВЧ. Ее фигура на фоне Вулворт-билдинг за высоким окном смотрелась восхитительно. Она заметила его, инстинктивно улыбнулась, направилась было к нему, но увидела, что он разговаривает с Синглтоном, и удовольствовалась тем, что подмигнула ему, а потом направилась к лифтам.

Д'Агоста перевел взгляд на Синглтона:

– Я знаю, сэр, это лишний геморрой. Но я бы хотел еще на неделю остаться в музее.

Синглтон с любопытством посмотрел на него:

– Эта перестановка – вовсе не нагоняй тебе, если ты вдруг подумал. Просто я даю тебе нормальное резонансное дело, которое повысит тебе раскрываемость.

¹⁴ Уан-Полис-Плаза – штаб-квартира департамента полиции Нью-Йорка.

– Я ничего такого не думал, капитан. Я читал про убийство этой женщины и знаю, что получить такое дело – подарок судьбы.

– Тогда зачем тебе дело Марсалы?

А ведь всего лишь за день до этого д'Агоста был готов – и даже стремился – свалить это дело на какого-нибудь другого бедолагу.

– Я не уверен, сэр, – медленно ответил он. – Просто... просто я не люблю бросать дела. И иногда возникает какое-то шестое чувство, наитие, что вот сейчас случится прорыв. Вам, наверное, знакомо это ощущение, капитан.

Д'Агоста отдавал себе отчет, что имя его наития – Пендергаст.

Синглтон несколько секунд смотрел на него долгим, оценивающим взглядом. Потом на его лице мелькнула улыбка.

– Еще как знакомо, – сказал он. – Я очень верю в наития. Хорошо, Винни, можешь оставаться на этом деле. А женщину-бегунью я отдам Клейтону.

Д'Агоста проглотил слюну и почувствовал, как саднит в горле.

– Спасибо, сэр.

– Удачи. Держи меня в курсе. – И Синглтон, кивнув еще раз, отвернулся.

14

Как только Пендергаст вошел в заставленный всякими вещами музейный кабинет, доктор Финистер Пейден тут же проводил его к стулу, предназначенному для посетителей:

– Агент Пендергаст. Прошу вас садиться.

Неуверенный тон его сообщения, оставленного на автоответчике два дня назад, куда-то исчез. Сегодня Пейден расплывался в улыбке и, кажется, был доволен собой.

Пендергаст наклонил голову:

– Насколько я понимаю, доктор Пейден, у вас есть для меня новости.

– Есть. Очень даже есть. – Минералог потер ладони. – Должен признаться, мистер Пендергаст, – надеюсь, это останется между нами, – что испытываю некоторое, очень легкое, разочарование.

Он отпер ящик, вытащил оттуда кусочек мягкой материи, развернул ее и осторожно, почти с нежностью прикоснулся к кусочку бирюзы.

– Красота. Слов нет, какая красота. – Минералог передал камень Пендергасту, явно заставляя себя сделать это. – Как бы то ни было, поскольку я не смог сразу же опознать камень или определить его принадлежность к известным источникам, мне пришлось исследовать его химическую сигнатуру, индекс рефракции и другие подобные опознавательные характеристики. Но дело в том, что я... гм, если говорить откровенно... за лесом не разглядел деревьев.

– Не уверен, что улавливаю ход вашей мысли, доктор Пейден.

– Я должен был сосредоточиться на внешнем виде камня, а не на его химических свойствах. Я сразу же сказал, что у вашего камня очень необычный вид и что его золотая паутинка – самое ценное, что в нем есть. Но возможно, вы помните мои слова о том, что подобные темно-синие камни встречаются только в трех штатах. Так оно и есть. За одним исключением.

Он протянул руку к своему цветному лазерному принтеру, вытащил из лотка лист бумаги и протянул его Пендергасту.

Агент окинул лист взглядом. На нем было изображение ювелирного изделия из каталога или аукционного перечня. Фотографию драгоценного камня сопровождали несколько абзацев описания. Хотя камень был значительно меньше, чем обнаруженный в желудке Альбана, во всех остальных отношениях камни были практически идентичны.

– Единственная лазурная бирюза, найденная за пределами тех трех штатов, – почти торжественно проговорил Пейден. – И единственная лазурная бирюза с золотой паутинкой, которую я видел.

– И откуда этот камень? – спросил Пендергаст.

– С малоизвестной калифорнийской шахты, известной как «Золотой паук». Это очень старая шахта, она истощилась более ста лет назад, и ее не называют ни в каких первостепенных книгах или каталогах. При всем том камень настолько необычен, что я должен был сразу же его узнать. Но понимаете, шахта была такая маленькая, производительность у нее такая низкая – по оценкам, там было добыто не больше пятидесяти-шестидесяти фунтов первосортных камней. Эта малоизвестность и калифорнийское местоположение шахты сбили меня с толку.

– Где именно в Калифорнии находится эта шахта? – спросил Пендергаст еще более спокойным, чем всегда, голосом.

– Близ Солтон-Си, к северо-востоку от Анза-Боррего и к югу от национального парка Джошуа-Три¹⁵. Место очень необычное, в особенности с минералогической точки зрения, потому что единственное...

---

¹⁵ *Солтон-Си* – соленое озеро на юге штата Калифорния. *Анза-Боррего* – национальный парк на границе США и Мексики. *Джошуа-Три* – национальный парк в юго-восточной части Калифорнии (парк обязан названием юкке коротколистной, или

До этого момента Пендергаст неподвижно сидел на стуле. Внезапно он стремительно вскочил со стула и понесся из кабинета; полы его пиджака трепыхались следом, в кулаке он сжимал распечатку, и до испуганного хранителя донеслось лишь несколько наспех брошенных слов благодарности.

15

Комната хранения вещдоков Двадцать шестого участка нью-йоркской полиции представляла собой некое подобие беспорядочно построенного лабиринта с нишами, отсеками и закоулками, отгороженного от остальной части подвала толстой проволочной сеткой. Здание было старым, и в подвале сильно пахло плесенью и селитрой. Лейтенант Питер Энглер иногда думал, что если бы они предприняли поиски, то нашли бы в стенах замурованный скелет, который вдохновил Эдгара По на создание рассказа «Бочонок амонтильядо».

Энглер стоял в ожидании у вделанного в сетку большого окна с надписью: «Прием вещдоков». Из пространства за сеткой до него доносилось слабое позвякивание и поскребывание. Еще минута – и из мрака появился сержант Мульвахилл, который сжимал в руках небольшой контейнер для вещдоков.

– Вот оно, сэр, – сказал он.

Энглер кивнул, сделал несколько шагов по коридору и вошел в комнату для составления отчетов. Закрыв за собой дверь, он подождал, когда Мульвахилл поставит контейнер в сквозное окно, проделанное в стене. Энглер расписался в квитанции и передал ее сержанту. Потом поставил контейнер на ближайший стол, сел перед ним, снял крышку и заглянул внутрь.

Ничего.

Вообще-то, «ничего» было небольшим преувеличением. Там лежали образцы одежды Альбана Пендергаста, в маленьком полиэтиленовом пакете на молнии – частичка земли с подошвы его туфли. Были там и несколько сильно покореженных пуль, извлеченных из автомобилей, но они все еще проходили баллистическую экспертизу.

Однако единственного настоящего вещдока – бирюзового камешка – не было. Только небольшой прозрачный пакетик, в котором лежал камень после описания, пока Пендергаст не забрал его.

Энглер нутром чуял, что камня здесь не окажется. Но помимо воли надеялся, что Пендергаст вернул камень. Глядя в контейнер, он чувствовал, как в нем медленно закипает гнев. Пендергаст обещал вернуть камень в течение двадцати четырех часов... которые истекли два дня назад. Дозвониться до Пендергаста Энглер не сумел – все его звонки остались без ответа.

Но как бы он ни был зол на Пендергаста, еще больше Энглер злился на себя. Агент ФБР практически выпросил у него этот камень (ни больше ни меньше на вскрытии собственного сына), и в момент слабости Энглер уступил вопреки доводам собственного разума. И что в результате? Пендергаст обманул его.

Что он делает с этим камнем, черт его раздери?

Что-то темное мелькнуло на периферии его зрения. Энглер повернулся и увидел в дверях комнаты самого Пендергаста, словно вызванного к жизни мыслями Энглера. Агент ФБР без слов подошел к нему, вытащил из кармана кусочек бирюзы и протянул ему.

Энглер внимательно рассмотрел камешек. Это была та же самая бирюза, по крайней мере так ему показалось. Он открыл пластиковый пакетик, положил туда темно-синий камень, закрыл молнию и вернул все это в контейнер. Потом снова взглянул на Пендергаста.

– И что я должен сказать по этому поводу? – спросил он.

Пендергаст ответил ему с легкой улыбкой:

– Я надеялся, что вы поблагодарите меня.

– Поблагодарить вас? Вы задержали камень на двое суток дольше договоренности. Не отвечали на мои звонки. Агент Пендергаст, правила хранения вещдоков не с потолка взяли. И ваш поступок был крайне непрофессиональным.

– Я прекрасно знаю правила хранения вещдоков, – ответил Пендергаст – Как и вы. И вы позволили мне взять камень на время, не согласуясь с правилами, а против них.

Энглера глубоко вздохнул. Он гордился тем, что никогда не терял присутствия духа, и будь он проклят, если этот мраморный призрак, облаченный в черное, если этот сфинкс выведет его из себя.

– Скажите, почему вы задержали возвращение камня?

– Я пытался определить источник его происхождения.

– И вам это удалось?

– Результаты пока не окончательные.

«Пока не окончательные». Более туманных ответов Энглер еще не слышал. Он немного помедлил и попытался зайти с другой стороны:

– Мы решили вести поиски убийцы вашего сына в новом направлении.

– В самом деле?

– Мы собираемся отследить, насколько это возможно, все перемещения Альбана в течение нескольких дней и недель перед убийством.

Пендергаст молча выслушал это. А затем, слегка пожав плечами, направился к выходу.

Энглер не смог сдержать раздражения:

– И это вся ваша реакция? Пожатие плечами?

– Я очень спешу, лейтенант. Еще раз позвольте поблагодарить вас за камень. А теперь, если вы не возражаете, я пойду.

Но Энглер еще не закончил. Он последовал за Пендергастом к двери:

– Я бы хотел понять, что происходит у вас в голове, черт возьми. Как это возможно, что вы совершенно... незаинтересованы? Неужели вы не хотите узнать, кто убил вашего сына?

Но Пендергаст уже исчез. Энглер, прищурив глаза, уставился в пустой дверной проем. Он слышал легкие быстрые шаги Пендергаста, гулким эхом отдающиеся в каменном коридоре по направлению к лестнице, ведущей из подвала на первый этаж. Наконец, когда звук шагов смолк окончательно, Энглер повернулся, закрыл контейнер, постучал по стене, вызывая Мульвахилла, и поставил контейнер в окошко.

А потом его взгляд невольно устремился к пустому дверному проему.

16

Привлекательная женщина лет тридцати пяти с гладкими каштановыми волосами до плеч отделилась от толпы посетителей, толкующихся в Большой ротонде музея, застучала каблукками, направляясь к широкой центральной лестнице, поднялась на второй этаж и прошла по гулкому мраморному коридору к двери, обрамленной красиво подсвеченными живописными изображениями петроглифов анасази¹⁶. Она помедлила, сделала глубокий вдох и вошла в дверь. Метрдотель за небольшой деревянной стойкой выжидательно посмотрел на нее.

– У меня заказан столик на двоих, – сказала женщина. – На фамилию Грин. Марго Грин. Метрдотель сверился с экраном компьютера:

– Да, конечно, доктор Грин. С возвращением. Ваш визави уже здесь.

Марго последовала за метрдотелем, лавирующим между столиками с льняными скатертями. Она оглядела зал, у которого была занятная история. Первоначально здесь находился зал захоронений народа анасази, наполненный десятками индейских мумий в их исходных согнутых положениях, а также бесчисленными одеялами, керамикой, наконечниками стрел, похищенными в конце XIX века из аризонской Пещеры мумии и других доисторических захоронений. Со временем зал стал причиной протестных настроений, и в начале 1970-х годов большая группа индейцев-навахо приехала в Нью-Йорк пикетировать музей – они возражали против такого, по их мнению, осквернения могил. И тогда зал без лишнего шума был закрыт, а мумии удалены. Так он и оставался пустым несколько десятилетий, пока два года назад кто-то из высокопоставленных прогрессивно мыслящих администраторов не понял, что это место идеально подходит для шикарного ресторана, обслуживающего дарителей, персонал музея и хранителей с важными гостями. Ресторан получил название «Чако», в нем сохранились очаровательные старые настенные росписи, украшавшие первоначальный зал в стиле ритуальных сооружений древних анасази, но без мумифицированных останков. Одна перегородка (подделка под глинобитную стену) была удалена, благодаря чему открылись громадные окна, выходящие на Мьюзеум-драйв, сиявшую в ярких солнечных лучах.

Марго с удовольствием посмотрела на окна.

Из-за столика навстречу ей поднялся лейтенант д'Агоста. Он почти не изменился с тех пор, как она видела его в последний раз, разве что похудел немного, стал спортивнее да волосы у него чуть поредели. То, что его нынешний вид остался таким же, каким его хранила ее память, задело какие-то благодарные и грустные струны в ее душе.

– Марго, – сказал д'Агоста, и они обменялись рукопожатием, которое перешло в объятие. – Как я рад вас видеть.

– И я тоже.

– Вы прекрасно выглядите. Спасибо, что нашли время сразу же приехать.

Они сели. Накануне д'Агоста вдруг ни с того ни с сего позвонил ей и попросил встретиться где-нибудь в музее. Марго предложила «Чако».

Д'Агоста огляделся:

– Это место здорово изменилось с того времени, как мы здесь познакомились. Кстати, сколько лет назад это было?

– Музейные убийства? – Марго задумалась. – Одиннадцать лет. Нет, двенадцать.

– Невероятно.

---

¹⁶ *Культура анасази, или предки пуэбло*, – доисторическая индейская культура, существовавшая на территории современного юго-запада США.

Официант принес им меню с изображением Кокопелли¹⁷ на обложке. Д'Агоста заказал охлажденный чай, Марго тоже.

– Итак, чем вы занимались все это время?

– Я теперь работаю в некоммерческом медицинском фонде в Ист-Сайде. В Институте Пирсона.

– Вот как? И что вы там делаете?

– Я этнофармаколог. Оцениваю ботанические лечебные средства исконных народов, ищу, что можно использовать для разработки лекарств.

– Звучит захватывающе.

– Так и есть.

– По-прежнему преподаете?

– Нет, с этим я покончила. Сейчас я могу помочь тысячам, а работая преподавателем – одному классу.

Д'Агоста снова пробежался взглядом по меню.

– Уже нашли какое-нибудь чудодейственное средство?

– Самое серьезное, над чем я работала, – это вещество в коре дерева сейба, которое может помочь при эпилепсии и болезни Паркинсона. Майя используют эту кору при старческом слабоумии. Проблема в том, что на разработку нового лекарства уходит целая вечность.

Официант вернулся, и они сделали заказ. Д'Агоста посмотрел на Марго:

– По телефону вы сказали, что регулярно бываете в музее.

– Раза два-три в месяц, не реже.

– С какой целью?

– Печальная правда состоит в том, что естественная среда обитания интересующих меня растений катастрофически сокращается: леса вырубаются, площади выжигаются и распаиваются. Один Господь знает, сколько потенциальных средств излечения рака исчезло за последнее время. В музее лучшая в мире этноботаническая коллекция. Конечно, когда ее собирали, обо мне не думали – просто ученых интересовала туземная медицина и магические лечебные средства племен, обитающих в разных уголках мира. Но это точно согласуется с моими исследованиями. В коллекции музея есть растения, которых больше не существует в природе. – Она замолчала, напомнив себе, что не все разделяют ее страсть к этой работе.

Д'Агоста сцепил руки в замок.

– Вы регулярный посетитель музея, а это как раз то, что мне нужно.

– В каком смысле?

Он чуть подался к ней:

– Вы ведь слышали о том, что здесь недавно произошло убийство?

– Вы про Вика Марсалу? Я работала с ним, когда училась в магистратуре в антропологическом отделе. Была в числе немногих, с кем он ладил. – Марго покачала головой. – Не могу поверить, что кто-то его убил.

– Я возглавляю следствие. И мне нужна ваша помощь.

Марго не ответила.

– Похоже, Марсала незадолго до смерти работал с одним командированным и помог ему найти и обследовать один экспонат в антропологической коллекции – скелет мужчины-готтен-тота. Агент Пендергаст помогал мне в этом деле, и его чем-то заинтересовал этот скелет.

– Продолжайте, – сказала Марго.

Д'Агоста немного помедлил:

---

¹⁷ *Кокопелли* – одно из божеств плодородия, обычно изображаемое в виде спорбленного человека, играющего на флейте; почитается многими индейскими народами на юго-востоке США.

– Понимаете... гм... Пендергаст исчез. Уехал из города позавчера вечером и не сообщил, как его найти. Вы ведь его знаете. Кроме того, вчера мы обнаружили, что документы о полномочиях этого командированного ученого, который работал с Марсалой, поддельные.

– Поддельные?

– Да. Фальшивая аккредитация. Он назвался доктором Джонатаном Уолдроном, специалистом по физической антропологии из какого-то филладельфийского университета. Но настоящий Уолдрон ничего об этом не знает. Я сам с ним разговаривал. Он никогда не был в музее.

– А что, если он и есть убийца, который заявляет, что ему ничего об этом не известно?

– Я показал его фотографию сотрудникам отдела антропологии. Ничего похожего. На фут ниже и на двадцать лет старше.

– Странно.

– Да уж. Зачем выдавать себя за кого-то другого для того лишь, чтобы посмотреть на скелет?

– Вы думаете, что этот липовый ученый и убил Марсалу?

– Я пока ничего не думаю. Но это довольно серьезная ниточка, к тому же единственная. Поэтому... – Он помолчал. – Я подумал, не согласитесь ли вы взглянуть на этот скелет.

– Я? – удивилась Марго. – Зачем?

– Вы же антрополог.

– Да, но моя специальность – этнофармакология. После магистратуры я не занималась физической антропологией.

– Уверен, что вы на голову выше большинства здешних антропологов. И потом, я вам доверяю. Вы здесь, вы знаете музей, и вы не состоите в штате.

– У меня работы выше головы.

– Да вы только взгляните. Так, краем глаза. Мне важно знать ваше мнение.

– Я действительно не понимаю, какое отношение к убийству может иметь старый скелет готтентота.

– И я тоже. Но у меня пока нет других ниточек. Марго, сделайте это для меня. Вы знали Марсалу. Пожалуйста, помогите мне раскрыть это убийство.

Марго вздохнула:

– Ну, если вы так ставите вопрос, разве я смогу вам отказать?

– Спасибо. – Д'Агоста улыбнулся. – Да, и за ланч плачу я.

17

Облаченный в выцветшие джинсы, рубашку с заклепками и старые ковбойские сапоги, агент А. К. Л. Пендергаст озирает Солтон-Си с толстого ковра травки-костреца близ заповедника Сонни Боно¹⁸. Над темной водой парили коричневые пеликаны, описывая круги и издавая крики. Было пол-одиннадцатого утра, и температура стояла на комфортных сорока трех градусах¹⁹.

Вопреки названию, Солтон-Си было никаким не морем, а обычным внутренним озером. Оно возникло случайно в начале XX века, когда проливные дожди разрушили плохо спланированную сеть ирригационных каналов и вода реки Колорадо хлынула в Солтонскую впадину, затопила город Солтон и в конечном счете образовала озеро площадью около четырехсот квадратных миль. Некоторое время почва здесь была плодородная, и на берегах выросло несколько гостиничных комплексов и городков, куда навевывались отпускники. Но потом вода отступила, стала соленой, городки были оставлены и заброшены, отпускники перестали приезжать, гостиницы разорились. И теперь этот район, с его голыми пустынными холмами и покрытыми коркой соли берегами, опоясанный разрушенными трейлерными парками и заброшенными гостиницами, выглядел как мир после ядерной катастрофы. Эта земля обезлюдела, истощилась, выгорела добела, превратилась в суровый ландшафт, гиблый для всего живого, кроме тысяч и тысяч птиц.

Пендергасту это зрелище ласкало глаз.

Он убрал мощный бинокль и вернулся к своей машине – жемчужного цвета «кадиллаку де вилль» 1998 года. Выехав на 86-ю дорогу, Пендергаст направился к Империял-Вэлли, следуя вдоль западного берега озера. По пути он останавливался у придорожных киосков и унылых «антикварных» магазинов, рассматривал товары, спрашивал о коллекционных вещах, оставленных в залог и невыкупленных индейских драгоценностях, оставлял свои визитки и иногда покупал что-нибудь.

Около полудня он повернул «кадиллак» на не обозначенную на карте проселочную дорогу, проехал по ней мили две и припарковался у подножия Скаррит-Хиллс – ряда голых кряжей и пиков, изъеденных эрозией и лишенных всякой жизни. Пендергаст взял с пассажирского сиденья бинокль, вышел из машины и направился к ближайшему холму. Чем ближе к вершине, тем медленнее становился его шаг. Укрывшись за большим камнем, он поднес бинокль к глазам и оглядел гребень.

На востоке предгорье опускалось до уровня пустыни, а за нею на расстоянии около мили были видны мрачные берега самого Солтон-Си. По соляным пластам гуляли вихри, поднимая столбы пыли.

Внизу, на полпути между холмами и берегом, стояло странное сооружение, потрепанное ветрами и полуразрушенное. Это громадное, беспорядочно построенное здание из дерева и бетона когда-то было выкрашено в яркие цвета, но теперь солнце выжгло его почти добела. Здесь просматривались шпили, минареты и пагоды, словно кто-то задался целью создать нечто среднее между китайским храмом и площадкой аттракционов в Эсбери-парке. Это был бывший «Солтон-Фонтенбло». Шестьдесят лет назад здесь находился самый шикарный гостиничный комплекс на Солтон-Си, известный как «Лас-Вегас-Юг», куда наезжали кинозвезды и гангстеры. Здесь, на берегу и просторных верандах, снимался фильм об Элвисе. В здешних

---

¹⁸ Заповедник назван по имени Сальваторе Филиппа Сонни Боно, американского певца и продюсера, мэра города Палм-Спрингс.

¹⁹ Так у автора. – *Примеч. ред.*

фойе пели актеры «Крысиной стаи»²⁰, а люди типа Фрэнка Костелло и Мо Далитца²¹ заключали сделки за закрытыми дверями. Но потом воды озера отступили от изящных пристаней комплекса, возросшая соленость уничтожила рыбу, которая выбрасывалась на берег и разлагалась в смрадных кучах. Наконец комплекс был оставлен на милость солнца, ветров и перелетных птиц.

Из своего укрытия Пендергаст детально изучил бывший гостиничный комплекс. Солнце выжгло краску с досок, большинство окон смотрели пустыми глазницами. В нескольких местах громадная крыша обрушилась, образовались провалы. Там и тут изящные балконы накренились, ослабленные годами небрежения. И никаких следов недавнего пребывания человека. «Фонтенбло» стоял неприкасаемый, погруженный в сон, изолированный, даже молодежные банды и художники граффити не удостоивали его своим вниманием.

Пендергаст переместил бинокль и стал разглядывать места в полумиле к северу от здания. Старая петляющая дорога вела к черному отверстию в склоне холма, эта неровная дыра была заделана старой деревянной дверью, за которой начиналась шахта «Золотой паук», где и была найдена бирюза, обнаруженная в желудке Альбана. Пендергаст внимательнейшим образом осмотрел вход в шахту и близлежащую территорию. В отличие от «Фонтенбло», старая шахта явно была местом, куда недавно навещались люди. На старой дороге обнаружили следы, оставленные покрывками, а перед входом была нарушена, разломана поверхностная солевая корка, обнажив солевые отложения более светлых оттенков. Предпринималась попытка уничтожить и следы покрывшек, и разломы на корке, но с того места на вершине холма, где находился Пендергаст, следы пребывания человека возле шахты все равно были видны.

Это была не случайность, не совпадение. Альбан был убит, а камешек внедрен в его тело по одной-единственной причине: чтобы заманить Пендергаста в это забытое богом место. Для чего это было нужно, оставалось тайной.

Пендергаст позволил себя заманить. Но он не собирался позволить кому бы то ни было застать его врасплох.

Он долго рассматривал вход в шахту. Наконец направил бинокль еще дальше на север и осмотрел окрестности. Милях в двух за «Фонтенбло», на небольшом естественном возвышении, виднелась сетка улиц, покосившиеся уличные фонари и брошенные дома того, что когда-то было городком. Пендергаст внимательно рассмотрел это место. Следующий час он провел, изучая ландшафт как на севере, так и на юге в поисках любых следов пребывания человека.

Ничего.

Он спустился к машине, сел за руль и поехал в направлении заброшенного городка. На въезде его встретил большой, побитый стихиями и едва читаемый знак: «СОЛТОН-ПАЛМС».

Добравшись до окраин покинутого людьми поселения, Пендергаст остановил машину и пошел в Солтон-Палмс пешком. Он двигался без видимой цели, его ковбойские сапоги звонко отстукивали по асфальту, поднимая маленькие вихри похжей на снег пыли. Прежде Солтон-Палмс был застроен скромными летними домами. Теперь эти дома лежали в руинах – потрепанные ветрами, с выбитыми дверями, сожженные, а то и просто рухнувшие. Обрушившаяся пристань для яхт лежала на мели под безумным углом, догнивая в сотнях ярдов от нынешнего берега. Одинокий куст перекасти-поля, украшенный кристалликами соли и похожий на гигантскую снежинку, зацепился за соляную корку.

Пендергаст медленно шел среди это хаоса, поглядывая на ржавые качели и высохшие газоны во дворах, старые мангалы для барбекю и растрескавшиеся бассейны для малышей.

---

²⁰ «Крысиная стая» – команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950–1960-х годов, неформальным лидером которой был Хамфри Богарт. В команду входили Лорен Бэколл, Фрэнк Синатра, Сэмми Дэвис, Эррол Флинн, Кэри Грант и др.

²¹ Фрэнк Костелло – американский мафиозо итальянского происхождения, прозванный «Премьер-министр преступного мира». Мо Далитц – гангстер-бутлегер, один из главных персонажей, сыгравших важную роль в становлении игровой столицы США Лас-Вегаса.

Посреди улицы валялась на боку старая игрушечная педальная машинка 1950-х годов. В тени крытого прохода между двумя домами лежал скелет собаки в корке соли и все еще в ошейнике. Единственным звуком здесь было тихое постанывание ветра.

На южной окраине Солтон-Палмс, вдали от других сооружений, стоял ветхий сарай с рубероидной крышей, сколоченный из того, что можно было позаимствовать у заброшенных домов, грязный, покрытый соевым инеем. Рядом с сараем стоял ржавый пикап, древний, но на ходу. Пендергаст долго смотрел на сарай, прикидывая. Потом легким, размашистым шагом двинулся к нему.

Кроме пикапа, никаких других признаков жизни здесь не наблюдалось. В сарае, похоже, не было ни воды, ни электричества. Пендергаст снова огляделся, потом постучал по куску рифленого металла, который служил здесь подобием двери. Ответа не последовало, и он постучал еще раз.

Изнутри донесся еле слышный шорох, и сиплый голос произнес:

– Уходите!

– Прошу прощения, – сказал Пендергаст через закрытую дверь; сменив аристократический говор Старого Юга на мягкий техасский акцент, – но не уделите ли вы мне минутку своего времени?

Поскольку эти слова не вызвали никакой реакции, Пендергаст вытащил из нагрудного кармана визитку. Надпись на ней гласила:

Уильям У. Физерс

Покупка и продажа коллекционных предметов, невыкупленных ломбардных залогов, западных артефактов, предметов высокого ковбойского стиля.

Моя специализация – перепродажа через интернет-аукцион «eBay»

Он подsunул визитку под гофрированный металл. Несколько секунд она оставалась на месте, затем быстро исчезла, и снова раздался сиплый голос:

– Что вам надо?

– Я подумал, может, у вас есть какие-то вещи на продажу.

– Ничего у меня сейчас нет.

– Люди всегда так говорят. Они никогда не знают, что у них есть, пока я не покажу. Я плачу хорошую цену. Вы никогда не смотрели «Разъездное шоу антиквариата»?

Ответа не последовало.

– Наверняка вы разжились какими-нибудь интересными вещицами, прочесали этот городок на предмет редких штучек. Может быть, я куплю что-нибудь у вас. Конечно, если вам это не интересно, то я сам посмотрю, нет ли чего в брошенных домах. Не уезжать же отсюда с пустыми руками, в самом деле.

И опять ни звука почти целую минуту. Наконец дверь со скрипом открылась, и из темноты сарая выплыло, словно призрачный воздушный шарик, раздраженное бородатое лицо. Глаза подозрительно уставились на визитера.

Пендергаст немедленно воспользовался возможностью и, ловко просунув ногу в дверь, принялся с энтузиазмом пожимать руку хозяина и тут же просочился внутрь, демонстративно изображая расположение, засыпая человека благодарностями и не давая ему возможности вставить ни слова.

В сарае стояли духота и зловоние. Пендергаст быстро огляделся. В углу лежал помятый тюфяк. Под единственным окном стояла плитка, а на ней – кастрюля с длинной ручкой. Вместо стульев использовались два пенька. В помещении царил хаос: одежда, одеяла, всевозможный

хлам, пустые жестяные банки, старые дорожные карты, сломанные инструменты и бессчетное количество других предметов, разбросанных по тесному жилищу.

Что-то слабо сверкнуло среди этого хлама. Перестав трясти руку хозяина, Пендергаст нагнулся и с довольным криком поднял вещицу:

– Теперь вы понимаете, что я имел в виду? Вы только посмотрите! Черт возьми, почему это валяется на полу? Этому место на выставке!

«Этим» было ожерелье в индейском стиле, помятое и поцарапанное, из дешевого мельхиора, с вывалившимся камнем. Но Пендергаст держал вещицу с таким почтением, будто это была скрижаль Завета.

– На «eBay» я без труда получу за это шестьдесят долларов! – воскликнул он. – Я веду всю операцию от начала и до конца: делаю фотографию, описание, провожу почтовую отправку, получаю деньги – всё. Мне нужна лишь небольшая комиссия. Я дам вам аванс, чтобы запустить процесс, а потом, если получу больше на «eBay», возьму себе десять процентов. Я сказал шестьдесят? Пусть будет семьдесят.

Без дальнейших разговоров Пендергаст достал свернутые в рулончик банкноты.

Слезящиеся глаза обитателя сарая переместились с лица Пендергаста на деньги. И не отрывались от них, пока Пендергаст отсчитывал семь десятидолларовых бумажек. Слегка поколебавшись, старик выхватил их у него, как будто они в любой миг могли улететь, и засунул в карман брюк из грубой ткани.

С широкой техасской улыбкой Пендергаст удобно устроился на пеньке. Его хозяин, с неуверенным выражением на старом лице, сделал то же самое. Он был невысок и тощ, с длинными спутанными седыми волосами и баками, короткими руками и невыразимо грязными ногтями. Лицо и руки его потемнели после долгих дней, проведенных на солнце. Подозрительность все еще горела в его глазах, несколько смягченная при виде денег.

– Как вас зовут, дружище? – спросил Пендергаст, небрежно держа пачку банкнот в руке.

– Кайют.

– Что ж, мистер Кайют, позвольте и мне представиться. Билл Физерс к вашим услугам. У вас тут наверняка найдутся всякие симпатичные мелочи. Уверен, мы с вами договоримся!

Пендергаст приподнял старый металлический дорожный знак «Шоссе 111», положенный на два шлакобетонных блока в качестве столешницы. Краска на нем шелушилась, поверхность была испещрена дырочками от дробы.

– Вот это, например. Знаете, люди любят вешать такие штуки на стенах в закусокных. Большой спрос. Уверен, что смогу его продать... даже не знаю... ну, скажем, за пятьдесят баксов. Что скажете?

Глаза засветились ярче. Чуть помедлив, Кайют резко кивнул, как хорек. Пендергаст отсчитал еще пятьдесят долларов и передал их старику.

Потом он расплылся в улыбке:

– Мистер Кайют, я вижу, вы человек деловой. Думаю, для нас обоих это будет весьма полезный обмен.

18

Не прошло и пятнадцати минут, как Пендергаст приобрел еще пять совершенно бесполезных вещей на общую сумму 380 долларов. Это успокоило в высшей степени подозрительного Кайюта. Пинтовая бутылочка ликера «Южный комфорт», извлеченная из заднего кармана брюк Пендергаста и предложенная к употреблению, произвела дополнительный эффект, развязав старику язык. Похоже, он был сквоттером, который некоторое время провел здесь еще мальчишкой, а когда для него настали тяжелые времена, вернулся в Солтон-Палмс, после того как городок был уже оставлен жителями. Он использовал «бунгало» как свою базу, откуда совершал набеги на брошенные дома в поисках каких-нибудь вещей на продажу.

Пендергаст терпеливо и тактично расспрашивал его об истории городка и близлежащего «Солтон-Фонтенбло» и был вознагражден беспорядочным рассказом о взлете и расцвете казино и о его долгом, печальном увядании. Кайют вроде бы был помощником официанта в самом шикарном ресторане гостиничного комплекса в дни его славы.

– Боже мой, – проговорил Пендергаст, – вот где было на что посмотреть.

– Вы себе и представить не можете, – откликнулся Кайют своим сильным голосом. Он допил ликер и отставил бутылку в сторону, словно это тоже был предмет для коллекции. – Все сюда приезжали. Все голливудские знаменитости. Сама Мэрилин Монро оставила автограф на моей манжете, когда я убирал посуду с ее столика!

– Не может быть!

– Случайно рубашку отдали в стирку, – грустно сказал Кайют. – Представьте, сколько бы она стоила сегодня.

– Вот ведь жалость. – Пауза. – И давно отель заколотили?

– Лет пятьдесят – пятьдесят пять.

– Какая трагедия, ведь такое прекрасное здание, и вообще.

– У них было все. Казино. Бассейн. Променад. Лодочная пристань. Спа. Зоосад.

– Зоосад?

– Да. – Старик взял пустую бутылку «Южного комфорта», тоскливо взглянул на нее и поставил на место. – Ниже отеля была такая естественная пещерка, вот там и устроили зоосад. Совсем рядом с коктейль-баром. Сделали все как в джунглях. У них там содержались живые львы, черные пантеры и сибирские тигры. По вечерам все шишки собирались с выпивкой на балконе над зоосадам и глазели на этих зверюг.

– Как интересно. – Пендергаст задумчиво потер подбородок. – А внутри там ничего ценного не осталось? Вы не ходили посмотреть, что там есть?

– Да там все распотрошили. Полностью.

Внимание Пендергаста привлекло что-то еще, выглянувшее из-под валяющегося на полу потрепанного, с разломанным корешком каталога «Сирса» не менее чем полувековой давности. Пендергаст поднял заинтересовавший его предмет и поднес к самодельному окну, чтобы разглядеть получше. Это был необработанный кусочек бирюзы с черными прожилками.

– Прекрасный камень. Может, мы сумеем сторговаться и по нему? – Он посмотрел на Кайюта. – Тут вроде неподалеку есть старая шахта. «Золотой паук», если память мне не изменяет. Вы его оттуда взяли?

Старик отрицательно покачал седой головой:

– Никогда туда не хожу.

– Почему? Мне кажется, если хочешь найти бирюзу, то именно туда и нужно идти.

– Да про эту шахту всякое рассказывают, вот я и не хожу.

– А что рассказывают?

Лицо Кайюта скривилось, приобрело странное выражение.

– Люди говорили, что туда приходят привидения.

– Не может быть.

– Сама шахта маленькая, но там есть жуть какие глубокие стволы. Всякие слухи ходят.

– Какие слухи?

– Ну вот я слышал, что владелец шахты спрятал где-то там бирюзы на целое состояние. Рассказывают, что он помер и теперича никто не знает, где она, эта его бирюза. Время от времени приходят люди, ищут, но так никто ничего и не нашел. Лет двадцать назад один искатель сокровищ отправился туда на поиски. Но где-то там доски прогнили, и он свалился на самое дно одного из стволов. Обе ноги сломал. Никто не слышал, как он звал на помощь. Так и помер там в темноте от жары и жажды.

– Ужасно.

– Люди говорят, что, если туда зайдешь, его все еще можно услышать.

– Услышать? В смысле, шаги?

Кайют покачал головой:

– Нет. Скорее похоже, будто ползет кто-то, на помощь зовет.

– Ползет? Ну да, ведь у него были сломаны ноги. Какая страшная история.

Кайют ничего не сказал, только снова задумчиво посмотрел на пустую бутылку.

– Думаю, эта легенда не всех останавливает, – заметил Пендергаст.

Кайют стрельнул в него глазами:

– Это вы про что?

– Да я тут сегодня прогулялся перед входом в шахту. Там следы ботинок. И покрываек.

Свежие.

Глаза Кайюта так же быстро метнулись в сторону.

– Ничего об этом не знаю.

Пендергаст ждал уточнения, но такового не последовало. Наконец он шевельнулся на своем стуле-пеньке.

– Правда? Вы меня удивили. Из вашего жилища открывается такой хороший вид на вход в шахту. – С этими словами Пендергаст как бы между прочим вытащил из кармана тугой сверток банкнот.

Кайют никак не прореагировал.

– Я действительно очень удивлен. Это место отсюда не дальше мили. – Пендергаст медленно прошелся пальцами по десяткам, за которыми лежали двадцати- и пятидесятидолларовые купюры.

– А почему это вы интересуетесь? – спросил Кайют, снова ставший подозрительным.

– Понимаете, я специализируюсь на бирюзе. И если уж говорить откровенно, поиски сокровищ – тоже моя специализация. Как и у того парня из вашей истории. – Пендергаст заговорщицки подался вперед, всем своим видом показывая, что это секретная информация. – Если в «Золотом пауке» что-то происходит, это представляет интерес для меня.

Старик неуверенно посмотрел на него и заморгал налившимися кровью глазами:

– Они мне заплатили, чтобы я помалкивал.

– Я тоже могу заплатить. – Пендергаст вытащил из свертка пятидесятку, потом еще одну. – Вы можете заработать в два раза больше, и никто об этом не узнает.

Кайют жадно взглянул на деньги, но ничего не сказал. Пендергаст вытащил еще две пятидесятки. Снова неуверенность, а затем быстро – пока Пендергаст не передумал – старик выхватил у него деньги и сунул в карман к остальным.

– Это было несколько недель назад, – начал он. – Они приехали на двух грузовиках, подняли шум на всю округу. Остановились перед входом в шахту и начали распаковывать оборудование. Я подумал, что они решили возобновить работы на шахте, подошел к ним, поздоровался. Предложил купить у меня старую карту шахты.

– И?..

– Не самые дружелюбные оказались ребята. Сказали, что инспектируют шахту... на структурную целостность. Что-то в этом роде. Но мне так не показалось.

– Это почему?

– Не похожи они были на инспекторов. Да и оборудование у них было совсем не такое. В жизни ничего подобного не видел. Крюки, канаты и что-то типа... типа... – Кайют взмахнул руками. – Ну, типа такой штуки, какой пользуются ныряльщики.

– Противоакульная клетка?

– Ага. Только больше. Карта моя им не понадобилась, сказали, что у них карта уже есть. Посоветовали не совать нос в чужие дела и дали пятидесятку, чтобы я помалкивал. – Старик схватил Пендергаста за рукав. – Но вы никому не скажете, что я видел?

– Конечно не скажу.

– Обещаете?

– Это останется нашей тайной. – Пендергаст потер подбородок. – Что случилось потом?

– Через пару часов они уехали. А вернулись только вчера. Поздно уже было. На этот раз в одной машине, всего двое парней. Остановились на некотором расстоянии, вышли.

– Ну-ну, – подбодрил старика Пендергаст.

– Стояла полная луна, и я все видел и слышал. Один стал граблями стирать все следы, а другой – подметать пыль вокруг. Возвращаясь к машине, они заматали за собой следы и все такое. Потом сели и уехали.

– Вы можете описать этих людей? Как они выглядели?

– Крутые ребята. Не понравились они мне. Я уже сказал больше, чем следовало бы. Не забудьте про ваше обещание.

– Можете не сомневаться, мистер Кайют. – Взгляд Пендергаста на миг устремился куда-то вдаль. – Кажется, вы упоминали о карте шахты?

Старые слезящиеся глаза снова загорелись корыстью, которая вытесняла возбуждение и постоянное подозрение.

– А что насчет карты?

– Возможно, я приобрету ее у вас.

Какое-то время Кайют оставался неподвижным. Потом, не поднимаясь со своего импровизированного стула, он покопался в мусоре у себя под ногами и нашел выцветшую, засиженную мухами бумагу, надорванную и сильно загрязненную, свернутую трубкой. Он молча развернул и показал карту Пендергасту, но не выпустил ее из рук.

Пендергаст наклонился, чтобы разглядеть получше. Так же молча отсчитал еще четыре пятидесятидолларовые купюры и показал их Кайюту.

Сделка была быстро завершена. Свернув карту и поднявшись со своего пенька, Пендергаст пожал старую, высохшую руку.

– Спасибо и всего вам доброго, мистер Кайют, – сказал он, рассовывая покупки по карманам, а карту и дорожный знак пряча под мышкой. – Иметь с вами дело – одно удовольствие. Можете не вставать. Я найду выход.

19

Д'Агоста сидел на столе в центральной лаборатории остеологического отдела. Марго Грин стояла рядом, сложив руки на груди и беспокойно постукивая пальцами одной руки по локтю другой. Д'Агоста с растущим раздражением наблюдал за тем, как этот лаборант, Сандовал, действует за своим компьютером, то стуча по клавиатуре, то пялясь на экран. Все в этом музее происходило так медленно, что д'Агоста вообще не понимал, как они умудряются доводить дела до конца.

– Я выкинул бумажку, на которой был записан номер хранения, – сказал Сандовал. – Никак не думал, что этот экспонат понадобится вам еще раз.

Он был недоволен тем, что приходится все это проделывать снова, а может, опасался, что вот-вот войдет Фрисби и увидит, как нью-йоркская полиция опять отнимает у него время.

– Я хотел, чтобы доктор Грин тоже осмотрела этот экспонат, – ответил д'Агоста, чуть выделив интонацией слово «доктор».

– Понятно.

Еще несколько ударов по клавишам, и из принтера с легким шорохом выполз лист бумаги. Сандовал протянул его д'Агосте, а тот передал распечатку Марго, которая быстро просмотрела ее.

– Это резюме, – сказала она. – Могу ли я увидеть детали?

Сандовал несколько секунд смотрел на нее, моргая, потом снова наклонился над клавиатурой. Из принтера появились еще несколько листов бумаги, и он протянул их Марго. Она стала изучать их.

В помещении – как и во всем музее – было прохладно, но д'Агоста заметил несколько капелек пота, выступивших у нее на лбу. И лицо у нее было бледное.

– Вы здоровы, Марго?

Марго с мимолетной улыбкой отмахнулась от его вопроса:

– Значит, других экспонатов Вик тому липовому ученому не показывал?

Сандовал кивнул в подтверждение, и Марго продолжила просматривать запись:

– Готтентот, мужского рода, приблизительно тридцати пяти лет. Цельный. Препаратор – доктор Э. Н. Паджетт.

Услышав это, Сандовал хмыкнул:

– О, тот самый.

Марго скользнула по нему взглядом и снова погрузилась в чтение распечатки.

– Видите что-нибудь интересное? – спросил д'Агоста.

– Вообще-то, нет. Вижу, что запрос был оформлен, как обычно, экспонат возвращен, больше ничего. – Она пролиستала еще несколько страниц. – Похоже, музей заключил контракт с путешественником по Южной Африке на поставку скелетов для остеологической коллекции. Полевые записки этого путешественника – его звали Хатчинс – прилагаются. – Несколько секунд тишины, пока Марго читала распечатку дальше. – Думаю, этот Хатчинс был обычным расхитителем могил. Он, вероятно, узнал о намеченной погребальной церемонии, проследил за нею, а потом темной ночью раскопал могилу, приготовил скелет и прислал в музей. Предполагаемая причина смерти – дизентерия, подхваченная во время Седьмой пограничной войны, – была ухищрением, которое позволяло сделать эту операцию приемлемой для музея.

– Вы не можете этого знать, – возразил Сандовал.

– Вы правы, не могу. Но я прочла достаточно антропологических сопроводительных документов и научилась читать между строк.

Она положила бумаги.

– Будьте добры, принесите теперь скелет, – обратился д'Агоста к Сандовалу.

Тот вздохнул:

– Хорошо.

Он поднялся из-за стола, взял лист с инвентарным номером и направился в коридор. У двери оглянулся через плечо:

– Не хотите пойти со мной?

Д’Агоста дернулся было с места, но Марго остановила его, притронувшись к руке:

– Мы подождем в смотровой комнате.

Сандовал пожал плечами:

– Как угодно. – С этими словами он исчез за дверью.

Д’Агоста последовал за Марго по коридору в помещение, где командированные ученые обследовали экспонаты. Он уже начинал жалеть, что отверг предложение Синглтона и не занялся делом бегунии трусцой. Так некстати, что Пендергаст исчез в своей обычной манере, даже не сказав, почему он считал этот скелет важным. Д’Агоста слишком поздно понял, что напрасно полагался на помощь агента ФБР. Помимо всего прочего, он начинал тонуть в записях допросов, протоколах и отчетах. Всем делам сопутствовала масса бесполезной бумажной работы, но дело об убийстве Марсалы – из-за размеров музея и числа сотрудников – было в этом смысле уникальным. Комната рядом с его рабочим кабинетом в управлении полиции уже была заполнена горами макулатуры.

Марго надела резиновые перчатки, посмотрела на часы и снова начала расхаживать по комнате. У нее был озабоченный вид.

– Марго, – сказал д’Агоста, – если для вас сейчас неподходящее время, мы можем прийти позже. Я вам уже говорил, это скорее наитие, чем что-либо еще.

– Нет, – ответила она. – Я и в самом деле должна вскоре вернуться в институт, но дело не в этом.

Она сделала еще несколько шагов, затем, словно приняв решение, остановилась и повернулась к лейтенанту. Ее зеленые глаза, такие чистые и внимательные, заглянули в его, и д’Агосте показалось, что он вернулся на много лет назад, в те времена, когда он допрашивал ее по делу о музейных убийствах.

Несколько секунд она не отводила взгляд, потом опустила на стул около смотрового стола. Д’Агоста тоже уселся.

Марго откашлялась и сглотнула:

– Я буду благодарна вам, если вы никому об этом не скажете.

Д’Агоста кивнул, приготовившись слушать.

– Вы знаете, что случилось со мной тогда.

– Да. Музейные убийства, убийства в подземке. Плохие были времена.

Марго опустила глаза:

– Дело не в этом. Я говорю о том, что... что случилось со мной после.

Поначалу д’Агоста не понял, но потом воспоминание обрушилось на него, как гряда кирпичей. «Боже мой», – подумал он. Он совершенно забыл о том, что случилось с Марго, когда она вернулась в музей, чтобы редактировать научный журнал «Музееведение». О том, как она кралась, как животное, по темным коридорам, охваченная ужасом, в страхе, что вот сейчас злобный маньяк, серийный убийца набросится на нее и убьет. Понадобилось много месяцев лечения, чтобы она восстановила здоровье. Он даже не предполагал, как это может повлиять на нее.

После паузы Марго снова заговорила, хотя и немного сбивчиво:

– С тех пор мне... трудно бывать в музее. Вот какая ирония судьбы: ведь я могу проводить свои исследования только здесь, и нигде больше. – Она сокрушенно покачала головой. – Я всегда была такой храброй. Таким сорванцом. Помните, как я настаивала на том, чтобы сопровождать вас и Пендергаста в туннели метро и ниже? Но теперь все иначе. В музее есть всего

несколько мест, где я не чувствую приступов паники. Я не могу глубоко заходить в хранилища. Приходится вызывать кого-нибудь из персонала. Я заучила все ближайшие выходы, чтобы при необходимости выбежать как можно скорее. Когда я работаю, мне нужно, чтобы неподалеку кто-то был. И я никогда не остаюсь после закрытия, ухожу до наступления темноты. Даже само пребывание здесь, на верхнем этаже, для меня затруднительно.

Слушая Марго, д'Агоста почувствовал угрызения совести из-за того, что попросил ее помочь.

– После всего пережитого вами это вполне понятно.

– Дело обстоит еще хуже. Я не выношу темных мест. Вообще не выношу темноты. У меня в квартире всю ночь горит свет. Видели бы вы мои счета за электричество. – Она горько рассмеялась. – Я полная развалина. Наверное, у меня новый, неизвестный прежде синдром: музеефобия...

– Послушайте, – прервал ее д'Агоста, – давайте забудем об этом треклятом скелете. Я найду кого-нибудь другого, кто...

– Нет-нет. Может, я и психопатка, но не трусиха. Я это сделаю. Только не просите меня идти туда. – Она показала вглубь коридора, куда ушел Сандовал. – И *никогда* не просите меня... – она старалась говорить ровно, но тут ее голос дрогнул, – спускаться в подвал.

– Спасибо вам, – сказал д'Агоста.

В этот момент в коридоре раздались шаги. Появился Сандовал, держа обеими руками знакомый лоток. Он осторожно поставил его на стол между гостями.

– Я буду у себя, – сказал он. – Дайте мне знать, когда закончите.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Д'Агоста стал наблюдать за тем, как Марго натянула потуже перчатки, потом взяла из ящика стола сложенный кусок полотна, разгладила его на поверхности стола и начала извлекать кости из лотка и раскладывать их на ткани. Одно за другим появлялись ребра, позвоночник, кости рук и ног, череп, челюсти, множество мелких костей, которые д'Агоста не смог идентифицировать. Он вспомнил, как Марго оправлялась от психологической травмы после музейных убийств, как она начала возвращаться к нормальной жизни, получила лицензию на ношение огнестрельного оружия, как научилась стрелять. Она казалась такой собранной... Но он видел, какие срывы бывают у полицейских, и надеялся, что после сегодняшнего ей не станет хуже...

Взглянув на Марго, он потерял ход своих мыслей. Она сидела в каком-то оцепенении, держа обеими руками тазовую кость. Прежнее отстраненное, озабоченное выражение лица исчезло, сменившись недоумением.

– В чем дело? – спросил д'Агоста.

Вместо ответа Марго принялась крутить тазовую кость так и сяк, пристально вглядываясь. Потом аккуратно положила ее на стол, взяла нижнюю челюсть и внимательно рассмотрела ее под разными углами. Наконец она положила челюсть и взглянула на д'Агосту:

– Мужчина-готтентот тридцати пяти лет?

– Да.

Марго облизнула губы:

– Занятно. Мне еще придется вернуться, когда появится время, но одну вещь я могу вам сказать сразу: это был такой же мужчина-готтентот, как и я.

20

Полуденное солнце нещадно пекло, когда Пендергаст отъезжал на своем жемчужного цвета «кадиллаке» от Солтон-Палмс. А когда он вернулся, было уже за полночь.

Он остановился, не доехав трех миль до города-призрака. Выключил фары, съехал с дороги, спрятал машину за несколькими наклонившимися деревьями Джошуа. Заглушил двигатель и остался неподвижно сидеть на водительском сиденье, размышляя над ситуацией.

По большей части все оставалось окутанным тайной. Но теперь у него имелись две детали. Убийство Альбана было тщательно проработанной уловкой с целью выманить его сюда – на шахту «Золотой паук». И сама шахта была тщательно подготовлена к его приезду. Пендергаст не сомневался, что вход в шахту даже сейчас находится под пристальным наблюдением. Они ждут его.

Пендергаст извлек два свернутых листа бумаги, разгладил у себя на коленях. На одном была карта шахты, которую он купил у Кайюта. На другом – копии строительных чертежей «Солтон-Фонтенбло».

Он вытащил из бардачка фонарик с узко направленным лучом и сначала занялся картой шахты. Шахта была относительно небольшой. Центральный ствол опускался под небольшим углом в юго-западном направлении от озера. От центрального ствола отходили несколько меньших, часть из них были прямые, другие искривлялись, следуя за бирюзовой жилой. Некоторые стволы уходили далеко вглубь.

Пендергаст переместил луч фонарика к дальнему краю карты. В конце шахты от главного ствола отходил извилистый ход, который чем дальше, тем становился уже и заканчивался через полмили крутым, почти вертикальным подъемом; возможно, это был вентиляционный ствол или, что вероятнее, запасной выход, которым перестали пользоваться. Линии, обозначающие этот ход, были нечеткими и затертыми, словно сам составитель карты забыл о его существовании к тому времени, когда карта была завершена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.